

Право и правосознание в период вооруженных конфликтов

сборник статей

ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 4 – 2020

Донецк 2020

УДК 340/.349"364":32/.329:93/.94(051)

ББК Х062.003+Х519 я5

П685

**ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 4 – 2020**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – канд. истор. наук, доц. Е.В. Щербинина

Зам. главного редактора – канд. юрид. наук Е.Ю. Красноносков

Ответственный секретарь – Ю.С. Степанова

Члены редколлегии: канд. истор. наук, доцент И.И. Лещенко; канд. юрид. наук Е.А. Матвиенко; канд. истор. наук, доцент Р.Н. Морозов; канд. юрид. наук М.П. Тишаков

Научный журнал. Выходит один раз в год.

*Рекомендовано к печати протоколом заседания кафедры
теории и истории юридического факультета ГОУ ВПО «ДонНУ»
№ 13 от 24.06.2020 г.*

Адрес редакции: к. 225, пр. Ватутина, 1а, г. Донецк, 283050, ДНР

Телефон: 38 (062) 302–09–64

e-mail: julias.stepanova@yandex.ru

kafedratigp7@gmail.com

УДК 3401.349" 364":321.329:93/.94(051)

ББК Х062.003+Х519 я5

П685

© Коллектив авторов, 2020

Зарегистрирован в РИНЦ (Лицензионный договор № 28–01/2018 от 26.01.2018 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

СООТНОШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНА О ДВОЙНОМ ГРАЖДАНСТВЕ В РОССИИ	4
Броваренко С. Р. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ	14
Грудинин Н. С. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: НОВЫЙ ЭТАП	19
Гулина С. Н., Гокунь Ю.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО СУДА В 20–30-Е ГОДЫ, ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945) И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	26
Красноносков Е.Ю., Кудренко Е. А. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	34
Красноносков Е.Ю., Москаленко Е. В. МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВА КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	41
Красноносков Е.Ю., Святенко Е. О. К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ И ПРАВОСОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА	48
Красноносков Е.Ю., Ткаченко М. М. ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ	53
Лещенко И.И., Ростовская К. Э. ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН СНГ	64
Лещенко И.И., Черненко И.Р. О ХАРАКТЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	74
Матвиенко Е. А., Гугкаев Г. В. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	82
Матвиенко Е. А., Рясная А.Р. МЕСТО И РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	87
Святенко Е.О. ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК ФОРМА ВЛИЯНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ	92
Степанова Ю. С., Присяжная М.С. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	102
Тимошенко Н.А. ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УБИЙСТВ	107
Тимошенко Н.А., Свиридова К. Е. THE ESSENCE AND FORERUNNER OF THE ANGLO-SCOTTISH WARS IN THE XVI CENTURY	112
Margarita Romas	

УДК 342.718

СООТНОШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНА О ДВОЙНОМ ГРАЖДАНСТВЕ В РОССИИ

Броваренко София Романовна ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет», г. Донецк

***Аннотация:** в данной статье рассмотрены понятие и сущность двойного гражданства, его отличие от второго гражданства, исследованы вопросы относительно специфики правового статуса бипатрида. Также проанализированы существующие проблемы двойного гражданства в России.*

***Ключевые слова:** гражданство, двойное гражданство, второе гражданство, бипатрид, права человека.*

Гражданство представляет собой фундаментальный правовой институт, имеющий огромное значение для определения сущности правового статуса человека, наделения его конкретным набором прав и обязанностей. Гражданство – это тесная правовая связь между человеком и государством, которая играет большую роль как в процессе государственного строительства и укрепления государства как политико-правового института, так и для обеспечения прав конкретного лица – гражданина.

Особенная значимость гражданства подчеркивается наличием положений, регулирующих вопросы гражданства, в наиболее весомых международно-правовых актах в области прав человека.

Так, Всеобщая декларация прав человека 1948 года подчеркивает, что каждый человек имеет право на гражданство (часть 1 статьи 15). Также в части 2 статьи 15 данной декларации закреплён основополагающий принцип гражданства: «никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство» [1].

В конституциях правовых стран мира отражены вопросы, регламентирующие вопросы гражданства. Так, в части 1 статьи 6 Конституции России закреплено, что гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения.

В основном правовом документе России отражен принцип о недопустимости лишения гражданства или лишения права изменить свое гражданство: «гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его» [2].

Особую актуальность в настоящее время приобретают вопросы двойного гражданства. В современном мире распространенность института бипатризма, прежде всего, связана с преимуществами правового статуса бипатрида.

Бипатризм как правовое явление в современных реалиях при развитии политической, экономической и правовой интеграции является независимой действительностью для государств, которые входят в состав политических, экономических, таможенных объединений. В данном случае двойное гражданство может иметь для правового статуса гражданина значительные преимущества для свободного передвижения. Например, безвизовый въезд в страну второго гражданства и иные государства, с которыми страна его гражданства заключены договоры о свободе передвижения [4, с. 49].

Ряд авторов (А. Б. Блинов, Н. Ю. Чаплин) отмечают следующие аргументы в пользу двойного гражданства:

- возможность безвизового въезда в страну, а также во все страны, с которыми у этого государства имеются соглашения о безвизовом въезде;
- наличие более широких прав в сфере предпринимательства и трудоустройства, которые труднодоступны иностранцам;
- решение проблем с медицинским обслуживанием и социальным обеспечением;
- льготы в налогообложении [6, 3].

При этом, как отмечают В. Н. Калинин, С. В. Попов международное право осторожно относится к двойному гражданству, не запрещая его, но и не навязывая его признание государствам. Несмотря на конституционное допущение двойного гражданства, сфера его легального распространения

сужена, поскольку для этого необходимо наличие федерального закона или принятого международного договора [10, с. 33].

Важно отметить, что институт двойного гражданства является дискуссионной темой в научных кругах. Многие авторы настаивают на негативном оттенке бипатризма. Так, К. Л. Бердникова отмечает, что главным аргументом отказа от института двойного гражданства является соотношение двойного гражданства и государственного суверенитета. Лица, которые обладают статусом бипатрида, рассматриваются как угроза государственной суверенности [5, с. 29].

Во многих цивилизованных государствах мира двойное гражданство запрещено законодательством.

В Российской Федерации, согласно нормам законодательства, у граждан имеется возможность быть бипатридом только в случаях, предусмотренных международным договором или федеральным законом.

Важно отметить, что проблемные вопросы возникают в момент приобретения двойного гражданства российским гражданином, а также в момент приобретения иностранцем российского гражданства.

Помимо этого, следует сказать, что правовой статус бипатрида в России представляет собой сложное правовое состояние, которое характеризуется двойственностью как прав, так и обязанностей, из чего вытекают основные проблемы двойного гражданства. Нередко возникают коллизии относительно использования прав и исполнения обязанностей в других государствах, что также способствует накоплению проблемных аспектов и пробелов в праве.

Вопросам двойного гражданства посвящено множество научных публикаций, основные из которых направлены на определение термина «двойное гражданство», разграничение дефиниций «двойное гражданство» и «второе гражданство».

Перечисленные теоретические вопросы являются очень важными для уяснения существующих практических проблем в реализации права на гражданство, приобретение двойного гражданства.

Прежде всего, следует отметить, что существуют множество авторских интерпретаций понятия «двойного гражданства».

Так, Н. В. Витрук в своем научном исследовании определяет двойное гражданство как сложный правовой статус лица, которое обладает одновременно гражданством двух государств [7, с. 133-134].

Позиция, которой придерживается А. С. Прудников, состоит в том, что под двойным гражданством следует понимать особое политико-правовое состояние физических лиц, при котором у данных лиц одновременно имеется гражданство двух или более государств [13, с. 43].

Параллельно с исследуемым понятием используется термин «второе гражданство», которое имеет принципиально другое значение.

Как подчеркивают Э. Х. Грипп, Ю. Х. Яхина смысл понятия «второе гражданство» заключается в том, что государство признает только гражданство своего государства и игнорирует факт наличия у гражданина еще и иностранного гражданства. При двойном гражданстве государства заключают соглашение, в котором регулируются вопросы двойного гражданства, и в этом случае у человека возникают отношения с обоими государствами [9, с. 37].

То есть, второе гражданство – это наличие у лица второго паспорта государства, с которым у страны происхождения не заключен соответствующий договор. Подобное явление допускается многими странами, но непосредственно на их территории не имеет юридической силы.

М. И. Офицера характеризует несколько подходов к определению второго гражданства:

Второе гражданство для использования с целью обозначить лицо, наделенное гражданством сразу нескольких государств, если отсутствуют соответствующие международные договоры (соглашения) или имеются пробелы нормативного правового регулирования.

Второе гражданство для использования с целью обозначить лица, наделенные гражданством нескольких государств, если государством не поддерживается институт двойного гражданства [11, с. 7].

Целью настоящего исследования является освещение вопросов относительно двойного гражданства, раскрытые его содержания, уточнение нормативных формулировок в международно-правовых актах и законодательстве России; определение особенностей правового статуса бипатрида; изучение и анализ существующих проблем относительно двойного гражданства в Российской Федерации.

В Федеральном Законе «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 N 62-ФЗ с изменениями от 13.07 2020 (далее – Закон) закрепляются особенности существования института двойного гражданства в России.

Так, согласно части 1 статьи 6 Закона, гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации. При этом подчеркивается, что в случаях предусмотренных международным договором или федеральным законом, гражданин может иметь несколько гражданств и будет рассматриваться как бипатрид – лицо, обладающее двумя и более гражданствами [3].

То есть, наличие двойного гражданства признается в России в случае подписание российским государством соответствующего международного договора об урегулировании двойного гражданства. Случаи приобретения российскими гражданами иностранного гражданства вне рамок международных договоров не являются наказуемым деянием. Но полученное таким образом гражданство не признается российским законодательством и не действует на территории России.

В целом, Россией было заключено два международных соглашения об урегулировании вопросов двойного гражданства: с Таджикистаном от 07 сентября 1995 г. и Туркменистаном от 23 декабря 1993 г. Согласно этим документам каждая из сторон признавала за своими гражданами право

приобрести, не утрачивая ее гражданства, гражданство другой стороны. Соглашения не содержат каких-либо особых условий и порядка приобретения гражданства и относят эти вопросы к внутреннему законодательству стороны, гражданство которой приобретается. При этом бипатриды пользуются защитой и покровительством каждой из сторон, а наличие паспортов обоих государств дает преимущества безвизовых поездок из одного государства в другое.

Соглашение между Россией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства прекратило свое действие в мае 2016 г. согласно подписанному двустороннему Протоколу о прекращении действия указанного Соглашения от 10 апреля 2003 г. [8, с. 45].

Проанализировав указанные данные, можно отметить, что заключение договоров с другими государствами о двойном гражданстве не является приоритетной целью России в международной деятельности.

Одним из основных принципов международных договоров о двойном гражданстве является то, что тот, кто имеет гражданство стран, заключивших договор, не может одновременно осуществлять права и обязанности, вытекающие из гражданства этих стран. Например, призывник проходит военную службу только в стране, в которой он постоянно проживает на момент призыва, и не может быть призван в соответствии с законодательством другой страны. Кроме того, на гражданина, состоящего в гражданстве двух стран и пребывающего на территории одной из них, не распространяются ограничения в правах или дополнительных обязанностях, которые установлены для иностранных граждан в стране пребывания. В этом заключается особый статус «двойного гражданина» [15 с. 65].

Одним из недостатков двойного гражданства в России, как отмечает Т.Б.Смашникова, является обязанность лица мужского пола, которое отслужило в армии в стране, гражданство которого он имеет, выполнить воинскую обязанность в России [14, С. 124].

Необходимо сказать, что в России особенность правового статуса лица, обладающего двумя гражданствами, заключается в наличии ряда ограничений. Так, граждане Российской Федерации, которые обладают иностранным гражданством, не могут занимать ряд государственных должностей и состоять на государственной службе.

Помимо этого граждане Российской Федерации, обладающие гражданством иностранного государства либо видом на жительство, либо иным документом, который может подтвердить право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, не имеют права быть избранными.

Гражданин Российской Федерации, имеющий также гражданство иностранного государства, либо нескольких таких государств, также не имеет права занимать пост депутата Государственной Думы, быть членом Совета Федерации, стать Президентом РФ [4, с. 49-50].

То есть, следует отметить, что нормы российского законодательства ограничивают права человека – гражданина России – в связи с принадлежностью к категории бипатридов. Однако Конституция России утверждает, что каждый российский гражданин наделен равными правами и обязанностями.

Проанализировав российское законодательство, регулирующее вопросы гражданства, следует выделить еще одну ситуацию ограничения прав человека, которая связана с приемом иностранных граждан в гражданство России.

Она заключается в следующем. Гражданин России при получении гражданства другой страны не обязан отказываться от гражданства России. Часть 2 статьи 6 Закона гласит: «приобретение гражданином Российской Федерации иного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации» [3].

При этом иностранец, который желает вступить в гражданство России, обязан отказаться от иностранного гражданства. Таким образом, российский

гражданин может получить иностранное гражданство, оставаясь при этом гражданином России, но приобрести гражданство России иностранному гражданину, по общему правилу, возможно только путем отказа от иностранного гражданства [10, с. 28].

То есть, российские граждане в вопросах приема в гражданство имеют больше прав, чем иностранцы, желающие получить российское гражданство.

Также следует отметить, что новеллой в законодательстве, регулирующем вопросы гражданства, является требование предоставлять информацию о наличии иного гражданства или документа на право постоянного проживания в иностранном государстве в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в течение шестидесяти дней со дня приобретения гражданином иного гражданства или соответствующих документов в иностранном государстве [12, с. 55].

За утаивание или неполное представление данных предусмотрены административная и уголовная ответственность.

Данный шаг является необоснованным, поскольку согласно нормам российского права допускается получение гражданином гражданства страны, с которой заключен договор, а иностранное гражданство другого государства. Подобное усиление контроля государства за жизнью граждан ограничивает личные права человека.

Таким образом, двойное гражданство – это правовой институт, который набирает популярность в современном правовом пространстве в связи с распространением интеграционных процессов, развитием дружественных отношений между странами, расширением возможностей граждан посещать другие страны. Двойное гражданство имеет важное значение для экономического благосостояния страны, поскольку часто рассматривается как «инвестиционное гражданство» – получение гражданства вследствие инвестиций и экономической поддержки страны.

Однако многие государства настроены категорично против признания двойного гражданства. Эта мысль поддерживается многими учеными, юристами. Основной причиной подобному положению дел является то, что двойное гражданство является угрозой для государственной независимости и безопасности.

В Российской Федерации двойное гражданство прямо не запрещено, однако гражданин России, имеющий гражданство другой страны, признается российским гражданином. То есть, второе гражданство выведено из правового поля. Признание лица бипатридом возможно только в случае приобретения гражданства государства, с которым заключен международный договор.

Необходимо отметить, что российское государство не спешит заключать новые договоры и развивать международное сотрудничество по вопросам двойного гражданства.

В целом, правовой статус бипатрида является сложным, поэтому требует усиленного законодательного урегулирования проблемных вопросов. Анализ ряда положений в России относительно двойного гражданства продемонстрировал, что часто в ходе законодательного урегулирования для обеспечения и сохранения интересов государства права граждан ограничиваются.

В частности, существует ряд ограничений для граждан, которые одновременно являются гражданами России и иностранного государства, относящиеся к области политических (избирательных), экономических, социальных прав.

Также можно отметить, что соблюдается неравенство прав российских граждан, получающих второе гражданство и иностранцев, приобретающих гражданство России.

Подводя итог, следует сказать, что двойное гражданство в целом является позитивным направлением в международном сотрудничестве стран, раскрывает множество возможностей перед гражданами, однако при этом налагает дополнительные обязанности. Развитие конституционного

законодательства и международных связей поспособствует становлению институт двойного гражданства в России и устранению существующих пробелов.

Список источников:

1. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] / Веб-сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. – Дата обращения: 15.01.2021. – Загл. с экрана.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>. – Дата обращения: 15.01.2021. – Загл. с экрана.
3. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 N 62-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – Выпуск № 22, 2002 г. – Ст. 2031.
4. Багдасарян С. Д., Петрова С. В., Толчанов А. А. Институт двойного гражданства в российском законодательстве: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 46-53.
5. Бердникова К. Л. Гражданство в системе прав и свобод человека и институтов публичной власти // Современное право. – 2012. – № 2. – С. 26- 30.
6. Блинов А. Б., Чаплин Н. Ю. Гражданство России: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право, 2002. – № 4. – С. 3-4.
7. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук; Российская акад. правосудия. – Москва : Норма, 2008. – 447 с.
8. Волох В. А., Воронина Н. А. К вопросу о двойном гражданстве // Право и политика. – 2018. – № 1. – С. 39-47.
9. Грипп Э. Х., Яхина Ю. Х. Правовое регулирование и современные проблемы двойно-го гражданства в Российской Федерации // Юридическая мысль. – Санкт-Петербург, 2013. – № 4 (48). – С. 35-41.
10. Калинин В. Н., Попов С. В. Реализация международно-правовых норм и принципов в области гражданства в Законе «о гражданстве Российской Федерации» // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 29-33.
11. Офицерова М. И. Пути усовершенствования законодательства о двойном гражданстве РФ // Юридическая наука. – 2019. – № 6. – С. 6-8.
12. Павлов Е. А., Калинин В. Н. Изменения в российский закон о гражданстве, связанные с обязанностью подачи уведомления о наличии иного гражданства // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11. – С. 53-58.
13. Правовые основы российского гражданства : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А.С. Прудникова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 231 с.
14. Смахникова Т. Б. К проблеме статуса лиц, имеющих второе гражданство в Российской Федерации // Символ науки. – 2016. – № 12-3. – С.123-125.
15. Смахникова Т. Б. Особенности статуса лиц, имеющих двойное гражданство, в Российской Федерации // Современные инновации. – 2017. – № 1 (15). – С. 65-66.

УДК 344.1

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

Грудинин Никита Сергеевич кандидат
юридических наук, доцент, доцент
кафедры международного права ФГБОУ
ВО «Московский государственный
лингвистический университет», г. Москва
E-mail: nekit-07@mail.ru

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема необходимости создания системы военно-уголовного законодательства РФ и включения соответствующих норм в действующий Уголовный кодекс. Автором отмечается, что военно-уголовное законодательство – это неотъемлемая часть уголовного закона государства, индикатор его способности успешно противостоять совершению преступлений в военное время.*

***Ключевые слова:** военно-уголовное законодательство, кодификация, модель, наказание.*

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ) в настоящее время продолжает де-юре и де-факто регулировать все вопросы, связанные с определением преступности и наказуемости конкретных деяний, и исключает возможность привлечения к уголовной ответственности с назначением наказания на основе каких-либо иных нормативных правовых актов. Думается, что такой подход не является бесспорным, однако до того момента, пока ч. 1 ст. 1 УК РФ 1996 года будет оставаться в неизменном виде, единственным источником уголовного законодательства в России будет оставаться именно УК РФ, и создание каких-либо иных кодексов или законов об уголовной ответственности за преступления, совершенные в военное время, будет принципиально невозможно.

В настоящее время все новые законы, устанавливающие уголовную ответственность за те или иные деяния, подлежат включению в УК РФ, но при этом, как ни странно в начале XXI столетия в действующем УК РФ отсутствует понятие «преступления, совершенные в период ведения боевых действий (военного времени), международных вооруженных конфликтов и вооруженных конфликтов немеждународного характера». Действующий ныне

УК РФ ограничивается лишь упоминанием самой возможности наличия уголовного законодательства военного времени (ч. 3 ст. 331 УК РФ), что абсолютно не способствует активизации работы законодателей, гражданских и военных юристов по созданию указанных норм. Складывается ощущение, что уголовное законодательство военного времени для современной России совсем не актуально. Однако это не так.

Актуальность рассматриваемой нами проблемы обусловлена как самим фактом отсутствия военно-уголовного законодательства в России, так и фактором времени, в котором мы живем. Пожалуй, не вызывает никакого сомнения, что современная геополитическая ситуация в мире разворачивается вокруг военно-политического соперничества за сферы влияния между странами, входящими в Организацию Североатлантического договора (здесь ведущая роль принадлежит США), Россией и КНР. Представляется, что в связи ослаблением международно-правового регулирования распространения различных видов вооружений в обозримом будущем угроза возникновения международных и локальных вооруженных конфликтов будет только возрастать. Усилится и борьба за сферы влияния на пространстве стран бывшего СССР. При этом реформирование и перевооружение армии и флота, которое, несомненно, является насущной потребностью современной державы, должно сопровождаться и поддержанием законодательства, обеспечивающего деятельность Вооруженных Сил государства, на достаточном уровне, который способен обеспечить их бесперебойное функционирование как в мирное время, так и в условиях ведения боевых действий. Отсутствие военного-уголовного законодательства в современной России противоречит как реалиям жизни, так и факту активного реформирования законодательства, рассчитанного на действие в период вооруженных конфликтов, которое проводится в последние годы во многих зарубежных странах (в т.ч. входящих в НАТО), чей высокий военный потенциал не вызывает никаких сомнений.

Концепция о разработке и развитии военно-уголовного законодательства в России уже неоднократно становилась предметом научных разработок и дискуссий в российской юридической науке. Однако при этом имеющиеся в настоящее время разработки сводятся в основном к анализу состояния военно-уголовного-законодательства в зарубежных странах (Шулепов Н.А. [3]), влиянию норм международного права на развитие отечественного военно-уголовного законодательства (Ермолович Я.Н. [1]), формированию военно-уголовного законодательства в России в исторической ретроспективе (Оноколов Ю.П. [2]). Научно-теоретическое и практическое обоснование необходимости кодификации норм военно-уголовного законодательства и их включения в действующий УК РФ при этом принципиально не проработано, в отечественных публикациях отсутствует концепция законодательной модели военно-уголовного законодательства РФ. Непонятны пространственно-временные рамки его действия, а также последствия для общей системы уголовных наказаний, применяемых в настоящее время в УК РФ. Данная работа имеет своей целью привлечь внимание законодателя, органов исполнительной власти и широкой общественности к вопросу о необходимости кодификации военно-уголовного законодательства в России, а также сформулировать базовые направления для движения в данном направлении.

Необходимость кодификации норм, которые устанавливают уголовную ответственность за совершение преступлений в период военного времени, обосновывается двумя основными тезисами. Тезис первый состоит в следующем. Потребность в наличии военно-уголовного законодательства вытекает из самой природы российской государственности, поскольку на протяжении всей многовековой истории формирование России как государства сопровождалось расширением ее территории, укреплением границ и постоянной необходимостью поддержания обороноспособности государства. С этой целью России всегда приходилось поддерживать надлежащую боеготовность армии и флота, для чего требовался, во-первых,

человеческий ресурс, а, во-вторых, ресурс административный и законодательный. Именно поэтому еще во времена княжеств и царской России в содержание уголовно-правовых предписаний по мере необходимости включались составы преступлений и наказания, которые предусматривали ответственность военнослужащих. Сохранилась преемственность в данной сфере и в советский период: советское военно-уголовное законодательство надежно защищало армию и флот СССР от преступлений как внутри, так и вовне. Более того, благодаря «законам военного времени» в период Великой Отечественной войны во многом были предотвращены панические настроения в рядах Красной Армии, пресечены распространение слухов и вражеской пропаганды, отступление и бегство с фронта в самые тяжелые дни и месяцы войны, существенно снижены число хищений, убийств и насильственных действий в отношении гражданского населения. Солдаты и офицеры Красной Армии, чувствовавшие высокую степень ответственности за будущее своей страны и послевоенного мира, не только не допускали совершения преступлений в период военных действий на территории СССР, но и старались обеспечить соблюдение законности и правопорядка на территории освобождаемых стран и Германии. Думается, что наличие эффективного военно-уголовного закона способствовало победе СССР в Великой Отечественной войне.

Тезис второй. Военно-уголовное законодательство в последние годы активно развивается и совершенствуется в США и странах Западной Европы. Несомненно, зарубежные государства четко осознают, что готовность к ведению военных действий определяется не только наличием современных систем вооружений, но и способностью пресекать преступления в рядах Вооруженных Сил. Так, в США 1 января 2019 года вступил в силу Закон о военной юстиции 2016 года (Military Justice Act of 2016), повлекший масштабную реформу национального военно-уголовного законодательства впервые с 1951 года. Данный закон предназначен для применения и в военное время. Во Франции в 2006 году принят новый Кодекс военной юстиции

(«Code de justice militaire (nouveau)»), в котором по сравнению с прежним законодательством осуществлена эволюция ряда положений, включая дифференциацию уголовной ответственности в мирное и военное время. 15 января 2016 года в Испании вступил в силу Органический закон от 14 октября 2015 года об утверждении нового Военно-уголовного кодекса страны, в котором значительная часть норм устанавливает уголовную ответственность за преступления, совершенные в военное время и в боевой обстановке. При этом нельзя не отметить, что характерной особенностью военно-уголовных кодексов зарубежных стран является наличие более строгих видов и размеров наказаний за преступления, совершенные в военное время, нежели чем в мирное. Например, во Франции членовредительство, единое по признакам состава преступления, наказывается: в мирное время – тюремным заключением на срок от 1 года до 5 лет, а в военное время – на срок от 5 до 10 лет.

Таким образом, необходимость скорейшего создания военно-уголовного законодательства в России не вызывает сомнения. Создание и введение в действие такого законодательства – обязательное условие повышения обороноспособности государства, средство противодействия распространению криминальной угрозы в рядах Вооруженных Сил РФ и одна из гарантий соблюдения воинской дисциплины.

Список литературы:

1. Ермолович Я.Н. Влияние норм международного права на военно-уголовное законодательство Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1 (2). – С. 252-267.
2. Оноколов Ю.П. Развитие военно-уголовного законодательства в советский период // Военно-юридический журнал. – 2010. – № 7. – С. 22-26.
3. Шулепов Н.А. Новый военно-уголовный кодекс Королевства Испании: причины принятия и характерные черты // Право в Вооруженных Силах. – 2018. – № 1 (246). – С. 74-78.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: НОВЫЙ ЭТАП

Гулина Светлана Николаевна
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
Гокунь Юлия Сергеевна
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

***Аннотация:** в статье рассматривается новый этап холодной войны. Значительное внимание уделяется направлениям взаимодействия между странами-союзницами. Установлено, что способы ведения холодной войны на современном этапе аналогичны тем, которые существовали в XX веке. Автор приходит к выводу, что холодная война не была прекращена, а существует и на современном этапе.*

***Ключевые слова:** холодная война, новый этап, направления взаимодействия между странами-союзницами, способы ведения холодной войны, Интернет, глобализация.*

Холодная война, являясь длительным историческим процессом, имела место в XX веке. Она, как глобальный политический, экономический, военный и идеологический конфликт, существенным образом повлияла на развитие мировой истории, оставив на ней ощутимый след.

Началом холодной войны принято считать речь Уинстона Черчилля в Фултоне, в которой прозвучал тезис о «железном занавесе», опущенном СССР. В своей речи Черчилль представил Советский Союз как причину международных трудностей, сделав его главным и, пожалуй, единственным врагом Великобритании и США. Такая роль СССР быстро закрепилась за ним и определила всю международную политику второй половины XX века. Борьба между США и СССР, начиная с 1987 г., стала со значительной скоростью утихать, и в течение нескольких лет конфликт почти полностью исчез, но всё же не был прекращён.

По поводу того, когда именно закончилась холодная война, в научной литературе существует множество точек зрения. Одна из них говорит о том, что рассматриваемый политический конфликт завершился подписанием Парижской хартии и Договора об обычных вооружённых силах в Европе [1, с.27-37]. Согласно другой точке зрения, окончание холодной войны было

связано с падением Берлинской стены. Однако, с другой стороны, нельзя сказать, что, например, то же падение Берлинской стены ознаменовало прекращение борьбы за первенство Советского Союза и США [2, с.248-249]. Множество авторитетных юристов и историков полагают, что холодная война продолжается и по сей день [3, с.49-57]. Мы также считаем, что холодная война не закончилась в XX веке, а продолжается до сих пор.

С. Хантингтон полагал, что масштабные конфликты нового столетия будут вызваны культурными и, в частности, этническими противоречиями [4, с.576]. Частично соглашаясь с этим, Э.Я. Баталов считает, что в основу конфликтов XXI века должны лечь политические экономические и социальные противоречия [5, с.41-57]. Из этого следует, что причины, способствующие продолжению холодной войны, останутся неизменными.

На современном этапе холодная война не изменила своей сущности, она по-прежнему представляет собой масштабный геополитический, военный, экономический и идеологический конфликт. Изменились лишь стороны данного конфликта, т.к., в результате распада СССР, Российская Федерация, став правопреемницей Советского Союза, одновременно с этим стала и главным оппонентом Америки, сдерживая натиск и влияние последней на другие государства. Как и в прошлом веке, двое главных оппонентов имеют своих союзников, в качестве которых выступают государства, чьи лидеры разделяют интересы стран-центров – России и США.

Страны-союзники оказывают Российской Федерации и США поддержку различного рода. Необходимо выделить четыре главных направления взаимодействия между странами-союзниками и странами-центрами: экономическое, силовое, политическое, идеологическое.

Экономическое взаимодействие выражено в различных программах помощи со стороны России [6, с.17-21] и США государствам, которые их поддерживают, и наоборот, со стороны этих государств. На первый взгляд может показаться, что некоторые программы по оказанию материальной помощи носят только экономический характер, однако это не совсем так.

Предоставляя материальную помощь друг другу, страны-союзники намереваются получить не только экономическую поддержку, но и сторонников, которые в момент проявления агрессии оппонента смогли бы помочь не только материально, но и, например, силовыми ресурсами. Под силовыми ресурсами следует понимать оружие и профессиональных военных. Здесь экономическое направление взаимодействия государств тесно переплетается с силовым. Последнее в свою очередь, имеет две функции: устрашение противника и защита от его посягательств. Являясь основным средством, служащим для устрашения противника, силовые (военные) ресурсы выступают и как сдерживающий фактор, способствующий сохранению установленного баланса между двумя силами. В случае нарушения такого баланса реализовываться начинает вторая функция силовых ресурсов – защитная.

Силовое направление взаимодействия можно назвать наиболее важным, т.к. ни одни экономические и политические санкции не оказывают настолько сильного влияния на противника как угроза войной либо началом вооружённого конфликта. Такое явление объясняется ущербом, понесённым государством, в отношении которого были применены силовые ресурсы. Если от санкций экономического и политического характера будет причинён в основном материальный ущерб либо на международной арене пошатнётся авторитет государства, против которого были применены санкции, то использование грубой силы грозит не только вышеназванными видами ущерба, но и огромными человеческими потерями, а также разрушенной инфраструктурой.

Политическое направление взаимодействия стран-союзниц на современном этапе холодной войны находит своё отражение в заключении договоров и соглашений между ними, в визитах глав государств и в различного рода содействии стран-союзниц друг другу на политической арене. Подобное содействие может как предоставлять странам-союзницам определённые привилегии, так и лишать оппонентов какой-либо крайне

важной возможности с политической точки зрения в международных отношениях.

Идеологическое направление взаимодействия выражается в налаживании и поддержании связей между союзными государствами, демонстрации этих связей различными способами, а также в психологическом воздействии. Особого внимания заслуживает последний аспект рассматриваемого взаимодействия. Психологическое воздействие происходит сразу в нескольких направлениях. Первое из них заключается в убеждении граждан своего государства и стран-союзников в том, что страна-оппонент является врагом, представляет опасность и поэтому требует к себе соответствующего отношения. При этом игнорируются все былые заслуги оппонента, как, например, было во времена холодной войны после окончания Второй мировой [7, с. 36-55], когда руководство США «позабыло» о военных достижениях Советского Союза и о бывшем сотрудничестве с ним для победы над фашистской Германией. Начавшийся тогда процесс нивелирования роли СССР в Великой отечественной войне и взятии Берлина продолжается до сих пор, искажая не только историю, но и меняя отношение людей к существовавшему тогда Советскому Союзу и к современной России.

Активно ведутся действия и по внушению идеи своим гражданам о том, что государство-оппонент является слаборазвитым, бедным, ущербным и поэтому не считается равным, достойным, а может быть если не уничтожено, то порабощено.

Одновременно с этим на мировоззрение граждан своего государства оказывается влияние и формируется не просто убеждение, а вера в то, что идеи, прививаемые родной страной, являются единственно верными и не подлежащими неприятию. Происходит и отторжение любой мысли, отличающейся от установленной идеи. Сама же идея становится «истинной», и ни при каких обстоятельствах не может быть подвергнута сомнению.

Другое направление идеологического воздействия во время холодной войны выражается во влиянии, оказываемом на противников, т.е. на

правительство и граждан стран-оппонентов. Главной целью такого влияния становится устрашение противника, его запугивание путём демонстрации военной мощи государства, его влияния и значимости на международной арене, ведение агрессивной политики по отношению к оппоненту.

Способы ведения холодной войны на современном этапе аналогичны тем, которые были в XX веке, и включают в себя: шпионаж, латентное развязывание вооружённого конфликта в государстве-оппоненте, осуществление подрывной деятельности внутри государства-противника, создание в враждебном государстве деструктивных формирований, направленных на его разрушение изнутри, агитация, идеологическая война, различного рода манипуляции, дезинформация [8, с. 87-93], игра на слухах и сплетнях посредством распространения заведомо ложной информации о государстве-оппоненте, его правительстве, фальсификация информации, разработка биологического и химического оружия, гонка вооружений и т.д. В настоящий момент совершение терактов и актов экстремизма следует также признать одним из способов ведения холодной войны. Совершая теракт, террористы ставят перед собой несколько целей. Главной из них является устрашение противника, что понятно из названия такого явления, как терроризм, произошедшем из латинского языка и означающем страх, ужас. Терроризм призван показать, насколько слабым и уязвимым является государство, в котором данное явление имеет место. По мнению государств-противников, совершение теракта указывает на то, что государство не может обезопасить себя и своё население, а его правительство не в состоянии контролировать ситуацию в стране, не говоря уже о контроле на международной арене. Одновременно с этим терроризм и экстремизм необходимо расценивать и как средство уничтожения большого количества людей, живущих в государстве-противнике, а также как способом моментального ухудшения экономического положения государства, т.к. на восстановление ущерба от теракта потребуются значительные средства.

Вести холодную войну в XXI веке в определённой степени стало легче по причине массового распространения современных информационных технологий, в частности, Интернета. Интернет-сети используются для агитации против государства-оппонента, программирования на подсознательном уровне населения враждебного государства и искажения у людей реальной картины мира, дезинформации простого населения, формирования у него антиобщественных и антигосударственных настроений, фальсификации информации и для массового дистанционного воздействия на сознание и подсознание людей.

Интернет, являясь быстрым и доступным для многих средством коммуникации, создаёт благоприятную почву для ведения информационных войн. Посредством информационных войн достигается доминирование одних государств над другими, т.к. предоставленная в неподходящий момент «подходящая» информация может выставить государство-оппонента либо его политического лидера в неподходящем и порочащем свете. Поэтому, не просто владение, а умение правильно распоряжаться стратегически важной информацией в XXI веке следует признать одним из наиболее ценных навыков, положительно влияющим на исход холодной войны.

Говоря о холодной войне на современном этапе, следует отметить, что в условиях глобализации противостояние двух государств наиболее заметно. С каждым годом наблюдается всё большее укрепление общемировых связей, однако данное объединение по большей мере групповое, т.е. происходит путём налаживания и укрепления отношений лишь между некоторыми государствами, а именно между странами, выступающими союзниками в холодной войне. Сложившаяся ситуация, как можно заметить, приводит к обострению как международных, так и локальных и региональных отношений, приводя к возникновению вооружённых конфликтов. При этом необходимо помнить о том, что сама глобализация является политикой Запада и, соответственно, подконтрольна ему, а значит, марионеточна. Таким образом, политику глобализации стоит рассматривать как искусственно навязанную,

которая может быть только имитацией свободы для государства-оппонента и по сути своей являться способом воздействия и манипуляции Запада своими политическими противниками.

Подводя итоги, отметим, что холодная война не была прекращена в XX веке, а имеет место и на современном этапе. Способы ведения холодной войны, как и её сущность, остались неизменными, однако, в связи с распространением Интернет-технологий и западной политики глобализации, стали более сложными и тяжело выявляемыми.

Список источников:

1. Узнародов И.М. СССР и окончание холодной войны [Текст] // Научная мысль Кавказа. – 2016. – №1 – С.27-37.
2. Борко Ю.А. Крушение Берлинской стены — начало или конец идеологической и геополитической борьбы Запада и Востока? [Текст] // Новое прошлое / The New Past. – 2019. – №3. – С.248-259.
3. Рыбалко В.А. «Холодная война»: суть и предтечы [Текст] // Право и правосознание в период вооруженных конфликтов. – 2019. – № 3. – С.49-57.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 576 с.
5. Баталов Э.Я. Холодная война окончена. «Крестовый поход» продолжается // Американский ежегодник. 2014. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 41-57.
6. Зайцев Ю., Кнобель А. Экономическая помощь России другим странам в 2016 г. [Текст] // Экономическое развитие России. – 2017. – Т.4. – №10. – С.17-21.
7. Бенда В.Н. Критика фальсификаций и искаженных трактовок истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в отечественной историографии // Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований". – 2019. – №8-1. – С.36-55.
8. Емельяненко В. Д., Честнихина Р. И. Проблема дезинформации в интернете: ценностно - мировоззренческий аспект // Новая наука: опыт, традиции, инновации: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно - практической конференции (Оренбург, 12 января 2017). / в 3 ч. Ч.3 - Sterlitaмак: АМИ, 2017. – №1 – 3. – С.87-93.

УДК 340.114

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО СУДА В 20 – 30-Е ГОДЫ,
ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945) И В
ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Краснонос Евгений Юрьевич кандидат
юридических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк
E-mail: eu.kr@yandex.ua
Кудренко Елизавета Александровна ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет», г.Донецк E-mail:
kudrenko.kudrenko@mail.ru

***Аннотация:** в статье рассмотрен военный исторический период советского государства. Проанализирована и освещена деятельность советского суда за хронологический период 20-30-х годов, военный период и в послевоенные года.*

***Ключевые слова:** судебная власть, деятельность судов в военный период, правосудие, вооруженные конфликты, советский суд, судебная система Донбасса.*

Проблематикой данной темы является то, что на протяжении долгих временных периодов сложилась большая историко-правовая база, дающая информацию о том, каким образом развивались государственные органы в том, или ином государстве на разных этапах его существования.

Органы судебной власти не являются исключением. Без судебной власти правовое государство не может выполнять функции охраны правопорядка, защиты прав и свобод граждан. Поэтому признание государством ценности судебной власти, принятие идеи о самостоятельности последней означает, что государство признает необходимость самоограничения власти.

Такое самоограничение реализуется как раз с помощью системы разделения властей. Ибо любой суд в стране представляет прямое отражение государственной власти посредством защиты прав населения своей территории и восстановлении справедливости. Кроме того, на данном этапе развития общества, можно основательно утверждать, что судебная власть является самостоятельной ветвью государственной власти.

Большинство исследований и публикаций базируются на одном конкретном временном периоде, к примеру, исключительно военный период, или конкретные года Великой Отечественной войны. В данном случае, исследование проведено по ближайшему довоенному периоду, целиком за время войны, так и ближайшие послевоенные годы.

Освещение деятельности советской судебной системы на территории Донбасского региона в период 20-30-х годов, в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг. и в послевоенный период.

Судебное управление являлось главной функцией Народного комиссариата юстиции РСФСР, что полностью отвечало задачам новой экономической политики. Сложившаяся ситуация не могла не повлиять на характер функционирования правоохранительных органов и, в частности, юстиции и судебных органов Донбасса. Процесс формирования правоохранительных органов, происходивший в середине двадцатых годов минувшего столетия, имел ряд проблем и противоречий, как на общесоюзном уровне, так и в самих союзных республиках, особенно в Донбассе, который исконно был одним из самых урбанизированных и криминогенных регионов. Особая сложность заключалась в отсутствии конкретных и четких приоритетов в плане развития правовой и правоохранительной системы.

Учитывая, что правовая доктрина подменялась идеями «революционной законности», революционное право было правом на тоталитарный репрессии, террор, по существу – «правом на кровь». На «революционную целесообразность» списывали жестокие судебные расправы. Всемогущество партийных органов генерировало практику, когда права, суд, вообще все юридические институты становились зависимыми от них [3,с. 15]. Такая тенденция была особенно ощутима на территории промышленного Донбасса.

Однако, учитывая своеобразную социальную психологию и традиции населения нашего края (склонность к свободолюбию, значительное распространение протестных настроений), насаждение авторитаризма, а впоследствии и тоталитарной системы, требовало значительных усилий со

стороны государственного аппарата, функции которого возлагались на правоохранительные органы, юстицию и «храм фемиды».

Эффективность работы прокуратуры и суда на территории Донбасса можно было анализировать по результатам Областных Съездов Советов Донбасса. Общий рост зажиточности трудящихся масс, вызванный успехами социалистического строительства и проводимой работы прокуратуры и суда в Донецкой области, привел к значительному снижению преступности в последние годы рассматриваемого периода. Если принять число осужденных за разные преступления в Донецкой области в 1933 г. за 100%, то в 1934 г. количество осужденных снизилось до 66%, а в 1935 г. – уже до 57%. [5, с.8-10].

Следовательно, деятельность органов прокуратуры и суда с учетом тоталитарного контроля, в принципе, осуществлялась достаточно успешно.

Прокуратура и суд вели непримиримую борьбу с саботажниками Стахановского движения, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Согласно Отчету о выполнении Постановлений II Областного Съезда Советов за 1936 г. (далее – Отчет 1936 г.), судебными органами Донбасса за 1935 г. было осуждено 86 саботажников и за три квартала 1936 г. – 45 человек [4]. Яркими фактами саботажей Стахановского движения и враждебных выпадов против стахановцев могут служить такие примеры:

1) на шахте «Центральная-Ирмино» десятник Панченко, сын белого офицера, с целью срыва стахановской смены не подготовил условий для выполнения плана в лаве, в результате чего было добыто только 38 вагонов вместо 50. На требования рабочих Панченко отвечал угрозами: «лезьте скорее, а то я вас запечатаю тут навсегда». 9 мая 1936г. областным судом Панченко был осужден к восьми годам лишения свободы;

2) на шахте имени Артема начальник участка Четвериков издевался над стахановцами и те увольнялись с работы. Четвериков был осужден на пять лет;

3) в Белокуракино Старобельского района сын кулака, Белик, был осужден в 1932 г. на три года тюрьмы за сопротивление представителям власти, покушался на орденосцев И.Т. Острогляда и Г.Т. Сухоставского.

Также органы прокуратуры и суда за прошедшие два года после второго Областного Съезда Советов провели большую работу по рассмотрению алиментных дел. Эта деятельность характеризуется такими данными: за первое полугодие 1935 г. рассмотрено 8 496 алиментных дел, за первое полугодие 1936 г. рассмотрено 10 503 дела, а после издания закона ЦИК и СНК СССР о запрещении аборт – только за третий квартал 1936 г. было рассмотрено 7 523 дела [9].

Согласно Отчету 1936г., большой рост количества алиментных дел объясняется увеличением заботы о воспитании детей в связи с постановлением о запрещении аборт и увеличении материальной помощи роженицам, а также возрастающими требованиями матерей к отцам в отношении воспитания детей. Вот некоторые примеры таких дел:

1) в течение девяти лет гражданин Солодий укрывался от уплаты алиментов своей бывшей жене, гражданке Родичевой, на содержание двоих детей. Облпрокуратура разыскала Солодия, он был осужден на два года лишения свободы, а имущество было распродано для уплаты задолженности его бывшей жене;

2) в Лиманском районе осужден Землянский Андрей за то, что принудил свою жену, угрожая разводом, сделать аборт, после которого жена «дала дубаря»;

3) в Бедовском районе Старобельского округа возбуждено уголовное дело против Ильченко Петра, бригадира колхоза им. Ленина, который не предоставлял своевременно отпусков беременным колхозницам. Это привело к тому, что колхозница Шпакова Ольга родила в поле [9].

Также, анализируя отчеты, можно сделать выводы о значительном снижении уровня преступности по всем видам. Кроме того, был ряд судебных

дел за нарушения техники безопасности на производстве, а также за хулиганство [3, 4].

Помимо этого, в области была проведена значительная работа по перевыборам народных заседателей. Народные заседатели проводили большую работу среди трудящихся масс, а также участвовали в рассмотрении дел.

В работе органов судебной власти на Донбассе также отмечалась эффективная работа органов милиции Донбасса. Так, отличительной особенностью работы органов Рабоче-крестьянской милиции Донбасса за последние годы рассматриваемого периода выступала тесная связь с трудящимися массами, а также огромная помощь, получаемая от них [6].

В дальнейшем же, вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР поставило под угрозу само существование первого в мире социалистического государства.

Условия военного времени потребовали всемирного укрепления государственной дисциплины и общественного порядка, мобилизации всех сил советского народа на разгром врага. В решении этих задач важное место принадлежало деятельности судебных органов, реорганизованных на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941г. «О военном положении» [2].

В местностях, объявленных на военном положении, расширялась подсудность военных трибуналов. Все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, были изъяты из ведения общих судебных органов и переданы в военные трибуналы. Сократилась подсудность народных судов и в области общеуголовных преступлений. Военные власти имели право передавать в военные трибуналы дела о злом хулиганстве, спекуляции и иных преступлениях.

Условия военного времени потребовали реорганизации в военные трибуналы линейных судов железнодорожного и водного транспорта [2]. В

местностях, объявленных на осадном положении, народные и областные суды преобразовывались в военные трибуналы.

При рассмотрении уголовных дел военные трибуналы руководствовались принципами правосудия, закреплёнными в Конституции и Законе о судостроительстве СССР. Однако для них были установлены и некоторые особые правила, обеспечивающие быстроту и меткость судебной репрессии по отношению к лицам, посягавшим на оборонную мощь фронта и тыла.

Так, члены военных трибуналов не избирались, а назначались совместными приказами НКЮ СССР и Наркома обороны. Дела в военных трибуналах рассматривались постоянными судьями без участия народных заседателей. Приговоры трибуналов, действовавших в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, не подлежали кассационному обжалованию. Для приближения надзора к местным военным трибуналам округов и фронтов.

Все эти правила, тем не менее, не могли поколебать требования точного исполнения закона, охраны прав и интересов граждан. В военной обстановке оставались незыблемыми принципы социалистического правосудия.

В судебной практике того времени неуклонно проводилось требование о том, что условия войны не освобождают советские суды от обязанности тщательного установления вины, постановления вины, постановления законных и обоснованных приговоров [1, с.10-15].

Что касается судебных органов в местностях, не объявленных на военном положении, то и их деятельность протекала в том же порядке, что и до войны.

После окончания Великой Отечественной войны все силы советского народа были направлены на восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства. Решению этой задачи были подчинены как организация, так и

деятельность советских судебных органов. В послевоенный период были в основном отменены акты военного времени.

Так, военные трибуналы, ранее действовавшие в прифронтовой полосе, были преобразованы в народные и областные суды. Военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта были реорганизованы в линейные суды железнодорожного и водного транспорта. При рассмотрении дел в военных трибуналах стали применяться общие процессуальные нормы без ограничений, обусловленных военным временем.

В целях повышения авторитета судей и их ответственности за правильное осуществление правосудия 15 июля 1948 года было принято общесоюзное Положение о дисциплинарной ответственности судей, которое устанавливало, что за служебные упущения и проступки судьи несут ответственность в дисциплинарном порядке только перед вышестоящими судебными органами.

Новый порядок дисциплинарной ответственности судей явился подлинной гарантией их независимости и подчинения при отправлении правосудия только закону.

В 1948-1949 годах в РСФСР и в других союзных республиках впервые проводились выборы народных судов на принципах, закреплённых Конституцией СССР.

Таким образом, доктрина права своей юридико-логической трактовкой позитивного права не только отражает, но и выражает, определяет его, активно соучаствуя в процессе его создания и осуществления. Без правовой доктрины нет и определенной системы позитивного права, и даже там, где правовая доктрина официально не является источником действующего права, ее положения фактически присутствуют в содержании позитивного права, во всех формах его действия и применения. Принято считать, что любая доктрина позитивного права и соответствующая догма позитивного права выражают определенную концепцию правопонимания, то или иное общее понятие права. На первых этапах развития советского права доминировало

революционно-марксистское, материалистическое и социалистическое правопонимание, которое, несмотря на общую тенденцию к унификации на протяжении 20-х гг. минувшего столетия, испытало также отдельные попытки развития альтернативных концепций и доктрин. Так же, важно понимать, что развитие данного права происходило в достаточно сложных политических условиях, и выстраивалось исключительно с адаптацией к настоящим реалиям- реалиям вооруженного противостояния, и долгого послевоенного восстановления.

Кроме того, можно заметить подобные актуальные процессы и на территории Донбасского региона и на сегодняшний день. В настоящее время, это связано, как раз с построением правовой системы, эффективной системы правосудия в складывающейся политической обстановке в Донецкой и Луганской областях, а именно не прекращающийся, и длящийся затяжной вооруженный конфликт на указанных территориях. И тем не менее, всё же стоит брать во внимание военный советский опыт минувших лет, в качестве примера деятельности органов государственной власти и правосудия, в частности. И заметить контрастность и сравнительную эволюцию как правового сознания, так и правопонимания прошлых лет и сегодняшнего дня.

Из всего этого, важно понимать, что не стоит скрывать или фальсифицировать данный факт советского правосудия, это уже случилось и произошло в истории государств, ныне постсоветского пространства, однако просто необходимо вынести обязательный урок, в особенности для юристов и ученых, которым близка эта сфера, во избежание повторения такого опыта специфической работы законов и права в период возможных вооруженных конфликтов.

Список источников:

1. Цалиев А. М. Судебная власть субъектов Российской Федерации: история и современность / А.М. Цалиев // Российское право: Образование. Практика. Наука. – 2015. – №4 (88). – С. 36–41.
2. Воеводина Т.Н. Судебная власть в системе разделения властей: история и современность / Т.Н. Воеводина // Вестник СамГУ. – 2009. – №73. – С. 235–239.
3. Смыкалин А.С. История судебной системы России: монография. – М.: Юнити-ДАНА, 2010. – 232 с.

4. Колоколов Н. А. История Российского правосудия: монография. – Москва: Юнити-ДАНА, 2009. – 508 с.
5. Прудников А. С., Швец В. М. История становления и развития судебной власти в концепции теории разделения властей / А.С. Прудников, В.М. Швец // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – №1. – С. 52-54.
6. История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов / Р.С. Мулукаев, А.Я. Малыгин, А.Е. Епифанов. – М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. – 336 с.

УДК 340.1

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Краснонос Евгений Юрьевич кандидат
юридических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк
E-mail: eu.kr@yandex.ua

Москаленко Евгений Вадимович
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

***Аннотация:** в статье проанализированы тенденции в изменении отношения к применению смертной казни как высшей меры уголовного наказания с учетом исторического аспекта развития и применения данного института в России. Рассмотрены перспективы применения смертной казни на современном этапе развития Российского государства.*

***Ключевые слова:** смертная казнь, мораторий, высшая мера наказания, уголовная ответственность, превентивная мера.*

В 2021 году исполняется ровно 25 лет с момента исполнения в России последнего смертного приговора. Визирование данных приговоров прекратилось еще в 1996 году, поскольку в этот временной период Россией была подписан протокол № 6 Венской конвенции по защите прав и свобод человека, предусматривающий право не быть лишенным жизни даже по решению суда. Даже несмотря на то, что данный международный договор все еще не ратифицирован на территории Российской Федерации, а Уголовный кодекс все еще содержит положения, предусматривающие смертную казнь как

высшую меру уголовного наказания, однако суд не вправе выносить решение о назначении данной меры наказания, поскольку на территории государства, которое официально подписало договор, вводится мораторий на применение смертной казни, действующий до ратификации данного договора. Таким образом, справедливым является мнение о том, что главным документом, контролирующим вопросы применения смертной казни, является протокол № 6 к Венской конвенции.

Достаточно интересным является вопрос о способе введения на территории Российской Федерации моратория на смертную казнь, учитывая наличие положений о данной мере наказания в действующем Уголовном Кодексе [2, ст.59].

В статье 20 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что каждый человек имеет право на жизнь, однако одновременно с этим федеральным законом может быть установлена смертная казнь в качестве исключительной меры наказания за совершение особо тяжких преступлений против жизни при условии предоставления обвиняемому на рассмотрение его дела судом присяжных заседателей [1, ст.20]. Позже Конституционный Суд Российской Федерации издал разъяснение, в котором была зафиксирована невозможность назначения смертной казни, фактически введя таким образом мораторий.

Между тем, стоит понимать, что мораторий, запрещая применение смертной казни, является скорее мерой временного запрета, нежели полноценной отменой института смертной казни.

Данный факт и позволяет вести в научных и общественных кругах дискуссии по поводу целесообразности полной отмены смертной казни, с выведением из норм действующего законодательства норм, регламентирующих применение данной меры наказания, либо об отмене моратория и применения смертной казни как высшей меры наказания за определенные категории уголовных преступлений.

Учитывая общественный резонанс, не утихающий с момента введения моратория, вокруг вопроса целесообразности его введения, а также полярность мнений и отношения к институту смертной казни в современной России, это не могло ни отразиться и в научных работах ученых-правоведов. В частности, изучением вопроса необходимости применения в Российской Федерации смертной казни в своих трудах занимались Е.П. Ищенко, Мамедов О.Я, Мамедов Р.Я, а также Дементьев С.И. и другие.

заключается в анализе целесообразности полной отмены института смертной казни и изучении дальнейших перспектив ее использования на современном этапе развития российской государственности в условиях двоякости ее правового положения в действующем законодательстве Российской Федерации.

Для современного мирового сообщества ведущей наблюдается тенденция к отмене смертной казни. Однако анализ опыта других государств показывает, что данный процесс является достаточно болезненным и может привести к росту общественного недовольства. Например, в Великобритании, где смертная казнь отменена полностью, большая часть населения продолжает выступать за сохранение данного института уголовного наказания. Подобного рода отношение формируется на основе сохранения в сознании людей представления о смертной казни как о некотором социально-оправданном, допустимом и более того, по мнению людей, необходимом средстве борьбе с преступностью. Велико убеждение людей в том, что физическое устранение опаснейших криминальных элементов является прямой обязанностью государства. В понимании данных представителей общества только таким способом возможно устранение преступной деятельности отмеченных выше преступников.

Природа подобного отношения вполне естественна и обусловлена чувствами людей, услышавших о совершении очередного общественно резонансного страшного преступления, как, например, совершенного летом 2016 года в городе Краснодаре, когда преступник жестоко убил женщину и

троих ее малолетних внуков в ее же доме. Услышав подобное, на основе исторически сформированного внутри каждого человека внутреннего принципа Талиона, конкретно взятый представитель социума приходит к выводу, что единственным справедливым наказанием для таких нелюдей является смерть.

Однако, такой подход к пониманию смертной казни является не более чем варварским способом мести, что абсолютно неприменимо к любой мере уголовного воздействия. Говоря о мести, смертная казнь больше понимается как некий особый способ социальной защиты. Определяющим тут является представление о невозможности совершения повторных преступлений ввиду наступления биологической смерти.

Данный подход является в корне неправильным, особенно в условиях развивающегося демократического общества в Российской Федерации. Все же смертную казнь стоит воспринимать хоть, как и исключительную, однако все же меру уголовного наказания.

Дальнейшее рассмотрение целесообразности применения смертной казни будет осуществляться лишь через призму уголовного наказания.

В условиях материалистического подхода к пониманию многих вещей, основным аргументом сторонников смертной казни является экономическая нецелесообразность пожизненного содержания преступников, совершивших особо тяжкие преступления. Аргументацией такого подхода является возможность «разгрузить» экономику Российской Федерации путем сокращения затрат на содержание системы исполнения наказаний в части снижения числа расходов на пожизненно осужденных. Вместе с тем, мы должны понимать, что сохранение института смертной казни и приведение смертных приговоров в исполнение, подразумевает под собой содержание института палачей. Таким образом, возможно, расходы несколько и сократятся, однако ввиду необходимости материального обеспечения института палачей, это не окажет полноценно-оздоравливающего влияния на экономику Российской Федерации в целом.

Безусловно, с точки зрения материальных ценностей, подобный подход является рациональным, однако в данном случае материальные ценности вступают в прямое противоречие с ценностями иного социально-духовного толка. Опять же, по данному вопросу можно дискутировать, приводя в пример тезис: «Почему представители духовенства выступают против применения смертной казни, но вместе с тем благословляют оружие и солдат, которые этим оружием будут лишать жизни в меньшей степени виновных людей».

Все это является не более, чем полемикой, мы же будем походить к социально-духовному аспекту исключительно базируясь на положениях Конституции Российской Федерации.

Ранее упоминалось одобрение смертной казни людьми за счет естественных эмоций и заложенного внутри принципа Талиона. Однако, когда речь идет о назначении уголовного наказания, а тем более в виде лишения жизни кого-либо, недопустимым является его назначение под воздействием эмоций, что, вероятно, ведет к росту числа судебных ошибок.

Более того, учитывая отражение принципа Талиона еще в ранних религиозных текстах, его применение в современном, демократическом и более того правовом и светском государстве, коим Российская Федерация является в соответствии с Конституцией, также недопустимо. Само же государство не в условиях современного развития общества не может быть проводником целесообразности назначения наказаний на основе правила «око за око, зуб за зуб» [3, с.93-97].

Если же само общество согласно жить в условиях, когда для вынесения наказаний применяются не современные виды наказаний на основе гуманности назначения наказания, а варварские пережитки прошлого, то это свидетельствует об отсутствии в этом самом обществе, в первую очередь, правового воспитания, в целом, а также о низком уровне правовой культуры, что в условиях развития государства как правового является стопором для

внедрения более современных и совершенных правозащитных и правоприменительных инструментов.

Вторым самым значимым аргументом является высокая вероятность судебной ошибки. И если в случае назначения пожизненного наказания при наличии судебной ошибки дело может быть пересмотрено, а приговор изменен, то смертная казнь являет собой необратимый процесс, в условиях которого судебных ошибок не должно присутствовать. Увы, на данный момент не существует идеальной судебной системы, которая бы исключала вероятность совершения судебной ошибки со 100 процентной вероятностью. Как правило, вероятность возникновения судебных ошибок возникает в случае неправомерных действий должностных лиц, расследующих уголовные дела, что в условиях отмеченных ранее низком уровне правовой культуры и правового воспитания, не является редкостью [4, с.40-43].

Третий же аргумент, вытекает из обычной логики и правовых принципов. Государство не вправе лишить человека жизни, которая даром данного государства и не является, а принадлежит человеку от рождения. Более того, если речь идет о правовом государстве, убийство им граждан не является допустимым, а смертный приговор выносится именно от имени государства.

Несмотря на то, что на сегодняшний день нет единообразного подхода к пониманию целесообразности смертной казни, Российская Федерация уже 25 лет прожила без использования данного вида уголовного наказания. 25 лет является довольно длительным промежутком времени, и, в целом, справедливым является мнение, что российское государство на современном этапе может отказаться и обойтись без смертной казни.

Тем не менее, для полной отмены смертной казни необходимо создание надлежащих условий: снижение роста преступности, стабилизации обстановки в стране, а также готовность большинства населения принять отказ от смертной казни [5, с.140-145].

Последний пункт является важнейшим, но для его реализации государство обязано поднимать уровень правовой культуры и правового воспитания населения, а также активно разъяснять и всячески доказывать, что оно в состоянии защитить его без использования столь варварского способа, как смертная казнь.

Отказ общества от смертной казни, помимо того, что будет являться показателем его морального состояния, гуманизации и цивилизованности, так же продемонстрирует полную готовность Российской Федерации к принятию новой вехи развития гражданского общества и правового государства в целом.

Список источников:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. : (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017)(с изм. и доп., вступ. в силу с 27.12.2019) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25.
3. Корсаков К.В. Принцип равновозмездности в феномене уголовного наказания // Государство и право. – 2015. – № 6. – С. 93-97.
4. Никулин С.Н. Смертная казнь: эффективное уголовное наказание, вынужденная мера социальной защиты или рудимент уголовного закона? / «Российская юстиция». – 2017. – № 9. – С.40-43.
5. Решняк М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве: тенденции развития. // Пробелы в российском законодательстве. – 2015 г. – № 1 – С. 140-145.

УДК 34.01

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВА КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Краснонос Евгений Юрьевич кандидат
юридических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: eu.kr@yandex.ua

Святенко Евгений Олегович
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: zhekas2019@mail.ru

***Аннотация:** в статье проводится теоретическое исследование категории механизм государства, а также рассматриваются ключевые подходы к его содержанию.*

***Ключевые слова:** механизм государства, государственный аппарат, государство, государственный орган.*

С момента провозглашения независимости Донецкая Народная Республика (ДНР) оказалась в новых социально-экономических и политических условиях, в новом правовом пространстве. Перед образовавшимся государством возникла необходимость выработки общих основ развития государственности.

Цель всех преобразований, которые происходят в ДНР, – переориентация общества, изменение и трансформация идеалов и ценностей выдвинуло на первый план личность, ее права и свободы. Законодательным закреплением этого идеала стала норма, которая содержится в ст. 3 Конституции ДНР: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц». Две обязанности государства, закрепленные в этой норме, выполняются с помощью осуществления одной из внутренних функций государства – функции охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка [1].

Тем самым охрана и защита политических, экономических, социальных, культурных, личных прав и свобод граждан составляет содержание деятельности всех государственных организаций.

Правоохранительные органы принимают непосредственное участие в реализации этой функции государства, поскольку основным главным направлением их деятельности являются определенные законодательством функции или задачи, непосредственно связанные с охраной прав, нарушенного права или организация выполнения наказания, защита национальной безопасности, поддержание правопорядка, обеспечения высокого уровня законности.

Сущность государства, его организация и функционирование всегда занимали и продолжают занимать одно из ведущих мест среди проблем, исследуемых с позиций разнообразных подходов отечественной и зарубежной юридической науки, как прошлого, так и современности. На рубеже XX–XXI веков в обществе стала постепенно создаваться новая отечественная государственность, фундаментом которой является положение правового государства, приверженность демократии и общечеловеческим ценностям. Однако проблема оптимальной организации и эффективной деятельности механизма государства не утратила своей актуальности. Только деятельность особой системы органов и учреждений, входящих в механизм государства, позволяет организованно и эффективно осуществлять задачи и функции государства, его назначение в обществе. Механизм государства является важным и необходимым атрибутом любого государства, его материальной составляющей и фактическим воплощением государственной власти.

В отечественной и зарубежной научной юридической литературе особое внимание уделялось на многогранное понимание механизма государства, исследовались его организация, функциональные особенности, принципы построения. Однако проблема формирования единого определения данного института в отечественной юридической науке до настоящего времени не решена. Дискуссии в основном касаются соотношения таких понятий как

государственный аппарат и механизм государства. Имеются расхождения и при определении системы органов, реализующих основные направления государственной деятельности и входящими в структуру механизма государства.

Сложности в определении исследуемой категории во многом связаны с отсутствием единого и четкого обозначения термина государство. В юридической литературе существует множество определений государства. В научных кругах все еще ведутся споры по этому поводу, но единого мнения так и не выработано. Таким образом, можно считать вполне обоснованным подход большинства авторов в своих рассуждениях о государстве, обращающих внимание, прежде всего, на основные признаки и особенности, отличающие государственную организацию от протогосударственной.

К ним относятся: наличие выделенного из общества аппарата власти; наличие наряду с аппаратом власти и управления, аппарата государственного принуждения: армию, полицию, органы национальной безопасности (разведка, контрразведка и т.д.), система пенитенциарных учреждений; территориальное деление населения; государственный суверенитет; наличие государственного бюджета; наличие налоговой системы. Основными - факультативными признаками также можно считать: наличие государственной символики, праздников, событий, памятных дат и прочее.

Современное понимание государства позволяет рассматривать его как высокоразвитую форму организации совместной жизни людей на определенной территории. Основная задача государства заключается в закреплении и отстаивании социальных интересов граждан посредством деятельности специализированных органов, осуществляющих руководство и управление обществом.

С целью определения наиболее рациональное понятие механизма государства, осуществим ретроспективный анализ развития категории механизм государства.

В теории государства и права категория государственный аппарат,

зачастую, употребляется в своем широком значении, поскольку тождественно понятию механизм государства. В развитии категории механизм государства со временем сложилась так называемая классическая точка зрения, которая рассматривала его как систему государственных организаций (органов, учреждений), реализующих государственные функции. Впервые попытка разграничить категорию механизм государства и государственный аппарат была предпринята Козловым Ю.М., который в соответствии с доминирующей к тому времени доктриной исходил из того, что профессиональные союзы играют значительную роль в управлении государством и поэтому они являются частью механизма государства, что же касается государственного аппарата, то эта категория значительно уже, ибо включает только государственные образования, а профсоюзы – это организации общественные. Впоследствии в юридической литературе высказывалось множество порой абсолютно противоположных точек зрения по поводу соотношения этих двух понятий, с которыми невозможно согласиться. Так, например, одна из них заключается в том, что категория механизма государства и государственный аппарат тождественны, значимым представителем данной точки зрения является М.И. Байтин.

Некоторые учёные, высказывали мнение, что между государственным аппаратом и механизмом государства существуют определённые различия.

На современном этапе создания государства в юридической литературе еще не утвердилось единственное и стойкое понимание категории механизм государства, хотя категория механизм относительно разнообразных аспектов характеристики государственно-правовых явлений уже используется отечественными научными работниками.

Не стремясь сделать развернутый анализ разнообразных трактовок категории механизм относительно тех или других государственно-правовых явлений, отметим, что в отечественной юридической литературе 80-х годов уже наметился структурно-функциональный подход к определению данной категории [2, с. 85].

При таком подходе раскрывается не только организационная основа построения того или другого государственно-правового института (процесса, явления), но и его динамика, направления деятельности.

Этот подход достаточно четко используется и при определении механизма государства. Да, авторы учебника по теории государства и права, используя структурно-функциональный подход, рассматривают механизм государства, как целостную иерархическую систему государственных органов, заведений, предприятий, с помощью которых осуществляется государственное управление обществом и защита его основных интересов. [3, с. 53].

Использование структурно-функционального подхода при определении категории механизм государства дает возможность, во-первых, ориентировать теорию государства на поиск эффективной организационной структуры построения этого механизма с целью оптимизации функциональной возможности его, то есть способности к организации управления обществом, а, во-вторых, вносит определенную терминологическую ясность в употребление категории механизм государства.

Учитывая эти моменты, мы в целом присоединяемся к такому общему определению механизма государства – это система всех государственных организаций, которые осуществляют ее задание и реализуют функции. Как и каждая целостная система, эта система объединяет определенные элементы. Да, одни авторы делят механизм государства на органы государства и государственные учреждения [4, с. 132]. Другие, кроме государственных органов, выделяют в отдельный элемент механизма вооруженные отряды людей (армию, флот, полицию и специальные войска); специальный пропагандистский аппарат (государственные средства массовой информации – радио, прессу, телевидение) [5, с. 121]. При таком подходе мы видим большее количество элементов, однако отсутствующий системообразующий признак и поэтому непонятным есть соотношение механизма государства и аппарата государства. Кроме того, предоставление преимущества функциональным характеристикам приводит отечественных и зарубежных авторов к

игнорированию данной категории в контексте государства и государственных органов [6, с. 212].

Отдельные законодатели подчеркивают, что категория механизм государства является системообразующим для восприятия его как целостного явления, поскольку позволяет связать элементы государства в структурно-функциональную «цепь», тем самым предавая им динамичность. Под механизмом государства понимают структурно оформленную систему средств государственного влияния на общественные процессы, к которой входят такие элементы: государственные органы; публичные службы и корпорации; процедура принятия государственных решений; ресурсное обеспечение.

Существует также схожий, но не идентичный вышеуказанному, подход, согласно которому различают категории механизм государства и механизм функционирования государства [7, с. 354]. Употребляя термин «механизм государства», понимают структуру (элементы) государства в статике. Упоминая о функционировании государства, о взаимосвязи и взаимодействии государственных органов, применяют категорию механизм функционирования государства. В таком контексте содержание категории механизм функционирования государства совпадает с содержанием категории механизм государства, примененного в предыдущем подходе, как системы средств государственного влияния на общественные процессы.

Однако элементный состав понятий механизм государства (в первой трактовке) и механизм функционирования государства (во второй трактовке) не совпадают. Под механизмом функционирования государства понимают всю совокупность внутренних факторов, институтов, средств, которые обеспечивают действие составных элементов государства в их взаимосвязи. Характеризуя указанный механизм, дают ответ на три вопроса: что приводит к действию государства; что связывает один государственный орган с другим; что способствует или, напротив, тормозит реальное выполнение функций тем или другим органом государства.

К структуре механизма функционирования государства относят субъектов внутригосударственного влияния (взаимодействия), объекты последнего и средства влияния одной системы на другую, одного органа на другой, а также ряд блоков: принятие решений; доведение решений до ведома исполнителей; контроль за выполнением решений. К механизму функционирования государства относят все то, что связано с внутригосударственным управлением и самоуправлением. Первоочередное значение в механизме функционирования государства придается праву.

Подводя итоги, можно выделить три фактора, которые позволяют понимать механизм государства в широком и узком значении: процесс разгосударствления всех сфер жизнедеятельности общества; целесообразность исследования сущности и содержания государственно-правовых явлений на основании системного подхода; необходимость преодоления разнообразия в трактовке и взглядов на категорию механизм государства для более точного отображения сущности его современного понимания.

Таким образом, «механизм государства» в широком понимании – это система государственных организаций, которые путем осуществления определенного вида государственной деятельности создают и поддерживают в динамическом состоянии соответствующие условия для обеспечения материальных, социальных, духовных потребностей гражданского общества.

Механизм государства в узком понимании – это исключительно система государственных органов, государственных предприятий и государственных учреждений.

Список источников:

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: принята Верховным Советом Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 года. / Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>. – Дата обращения: 12.11.2020. – Загл. с экрана.
2. Юзьков Л.П. Государственное управление в политической системе развитого социализма. / Л.П. Юзьков. – К.: Высшая школа, 1983. – 156 с.
3. Атаманчук Г.В. Государственное управление: проблемы методологии правового исследования. / Г.В. Атаманчук. – М.: Юридическая литература, 1975. – 239 с.

4. Общая теория государства и права: учебник для студ. вузов, обуч. по напр. и спец. «Юриспруденция» / под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. 472 с.
5. Основы теории государства и права: учебник для сред. юрид. учеб. заведений по спец. «Правоведение» / под ред. А.С. Пиголкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. – 384 с.
6. Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности: учебное пособие. / Л.А. Морозова. – М.: Юридическая литература, 1999. – 254 с.
7. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ И ПРАВОСОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА

Краснонос Евгений Юрьевич кандидат
юридических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: eu.kr@yandex.ua

Ткаченко Михаил Михайлович ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет», г. Донецк E-mail:
mike.tkachenko1.8@gmail.com

***Аннотация:** в статье рассматривается влияние войн и вооружённых конфликтов на формирование правовой культуры и правосознания общества.*

***Ключевые слова:** война, вооруженный конфликт, правовая культура, правосознание, правовой нигилизм, правовой идеализм.*

Войны и вооруженные конфликты кардинально меняют привычный ритм жизни населения, дестабилизируют экономическую ситуацию, ужесточают внутригосударственную политику и принимаемые правовые нормы. Цель исследования состоит в рассмотрении вопроса о формировании правосознания и правовой культуры населения территории, в пределах которой разворачиваются боевые действия.

В доктрине до сих пор нет понятия правовой культуры, которое можно было бы выделить как наиболее верное, раскрывающее значение в полной мере.

Профессор С.С. Алексеев считает, что правовая культура является неким юридическим богатством, выраженным в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностей, особенностей права, юридической техники, относящихся к правовому прогрессу и духовной культуре [1, с. 269].

Заслуживает внимания определение правовой культуры, которое дает Г.И. Балюк: «Правовая культура – это совокупность всех ценностей, создаваемых людьми в области права. Она является правовым феноменом, близким к понятию всей юридической надстройки, но непременно включающим человека и его деятельность» [2, с. 6].

Правовая культура общества, с точки зрения Е. В. Аграновской, – это элемент его общей культуры, который представляет собой специфический способ существования в правовой сфере человека: способы правового регулирования общественных отношений и социально-психологическое отношение к правовым явлениям [3, с. 18].

Правовая культура имеет сложную структуру. Центральным элементом является объективное право – нормативная правовая культура субъектов правотворчества, выраженная в системе законодательства того или иного государства.

Условно правовую культуру общества можно подразделить на 2 структурные подсистемы:

- а) правотворческую;
- б) правореализационную.

Условность эта обусловлена тем, что часто правореализация и правотворчество образуют единый неразрывный процесс. К примеру, в процессе подзаконного правотворчества субъект правотворчества создаёт свои нормы права основываясь реализуя вышестоящие нормы права.

В содержание правотворческой подсистемы правовой культуры включают правотворческую культуру субъектов правотворчества. Она обычно находится в 3-х состояниях: предметном, живом в статике, живом в динамике.

Правореализационная подсистема правовой культуры состоит из правовой культуры всех субъектов права страны (во всех 3-х состояниях), способных и участвующих в реализации установленных правотворческой подсистемой системы правовых норм, находящей выражение в системе законодательства страны.

Правосознание отражает идеальное и чувственное в осознании человеком права. В.А. Пчелинцев считает, что правосознание представляет собой сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социальноправовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях [4, с. 19]. Р.А. Рябцев же делает акцент на том, что правосознание является именно формой общественного сознания, «...отражающая осмысление и ощущение субъективного и позитивного права, а также процесса их реализации, и определяющая поведение людей в конкретных юридически значимых ситуациях в случае отсутствия регулирующей юридической нормы (либо ее незнание конкретным субъектом), или ее несоответствия жизненным реалиям» [5, с. 10].

Структура правосознания состоит из: правовой психологии и правовой идеологии. Правовая психология – первый этап правового сознания, выстраивающийся на чувствах, привычках, переживаниях, оценке, традициях, эмоциях и настроениях индивидов в отношении правовой деятельности на бессознательном уровне, эмпирическим путем. Правовая психология состоит из:

- правовых чувств;
- переживаний;
- правовых настроений;
- правовых представлений.

В период войн и вооруженных конфликтов особенно остро становится вопрос о формировании правовой культуры и правосознания населения

территории, в пределах которой разворачиваются боевые действия. Для нормального функционирования механизмов реализации права в обществе, государство обязано брать их формирование под свой контроль, особенно в период войн и вооруженных конфликтов. Ведь именно в такие периоды государство и его граждане переносят наибольшее количество трудностей и проблем.

Важно отметить, что массовое правосознание может изменяться в двух направлениях: правового нигилизма и правового идеализма. Названные явления можно проследить во все периоды развития человеческого общества и государства, особенно во времена многочисленных войн, вооруженных конфликтов и государственных переворотов.

Правовой нигилизм – пренебрежительное отношение к праву, его отрицание. На любом этапе становления права как социального института в любом обществе существовали группы, которые считали право ненужным. То есть правовой нигилизм – это недооценка права, а правовой идеализм, наоборот – его переоценка. Эти две крайности, несмотря на их противоположную направленность, в конечном счете, смыкаются, представляя собой две стороны «одной медали», две части одного целого, негативно сказывающегося на государстве и обществе явлениях.

На первый взгляд может казаться, что правовой идеализм менее выражен и не представляет серьёзную проблему, но это явление причиняет такой же вред государству, обществу и личности, как и явление правового нигилизма [6, с. 179].

Во время вооруженных конфликтов государству необходимо уделять особое внимание формированию правовой культуры и правосознания населения. Этому процессу способствуют:

1. Единая государственная идеология, направленная на неукоснительные соблюдения права всеми его субъектами. Во время вооруженных конфликтов государству для формирования у населения правосознания следует определить

наиболее значимые проблемы в сфере правовой культуры и работать над ними.

2. Обеспечение пересечения государственных и общественных интересов, для того, чтобы убедить каждого человека в обществе, что отрицание или неуважение к праву противоречит его собственным интересам, ведь право это ничто иное, как высшая социальная ценность. Государственная политика, несмотря на сложности, вызванные войной, должна иметь социальную направленность, нести в себе ценности гуманизма насколько это максимально возможно, а также держать курс на развитие экономики, ведь необходимо покрывать дефицит финансовых ресурсов.

3. Проведение правовоспитательных мероприятий, например, с помощью средств массовой информации, высших учебных заведений, а также путём привлечения представителей правоохранительных органов.

4. Грамотная внешняя политика и дипломатия. Государства-участники вооруженных конфликтов обязаны всеми силами способствовать скорейшему прекращению боевых действий.

Таким образом, вооруженные конфликты оставляют отпечаток на всех сферах жизни общества, особенно на правовой культуре и правосознании населения. Правовой нигилизм, как правило, распространяется максимально быстро, а стабилизировать ситуацию крайне сложно. Следует отметить, что меры, необходимые для решения данных проблем существенно не отличаются от мер формирования правовой культуры и правосознания в условиях мира, но во время войн и вооруженных конфликтов они должны содействовать скорейшему их прекращению, а в мирное время – недопущения новых войн и вооруженных конфликтов.

Список источников:

1. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования./ С.С. Лазарев. — М.: Статут, 1999. — 712 с.
2. Балюк Г.И. Взаимосвязь правовой культуры и политической демократии. / Г.И. Балюк. — Киев: Знание, 1984. — 211 с.
3. Аграновская Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности./ Е.В. Аграновская. — М.: Наука, 1988. — 144 с.

4. Пчелинцев В.А. Трансформация правосознания общества в современной России (теоретико-правовое исследование) : дисс.... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пчелинцев Виктор Александрович. – Уфа: Уфимский юрид. ин-т МВД РФ, 2004. – 173 с.
5. Рябцев Р.А. Современная правовая реформа в России и правосознание: (теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан). : дисс.... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рябцев Роман Анатольевич. – Ростов н/Д: Ростовский юрид. ин-т Северо-Кавказской акад. гос. службы, 2005. – 173 с.
6. Милиус А.В. Понятие и сущность правового нигилизма и правового идеализма в юридической науке // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – №2. – С. 175-182.

УДК 316.482:323.11

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ

Лещенко Ирина Ивановна кандидат исторических
наук, доцент кафедры теории и истории государства и
права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Ростовская Кристина Эдуардовна
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

***Аннотация:** в статье рассматривается проблематика этнической конфликтности, тесная взаимосвязь факторов возникновения и эскалации этнических конфликтов, при многообразности которых доминируют этносоциальные и этноконфессиональные противоречия. От понимания важности многих факторов (например, внешнеполитического) зависят динамика и управление этническими конфликтами.*

***Ключевые слова:** этнический конфликт, этносоциальные и этноконфессиональные противоречия, факторы конфликтности.*

Современный мир «переживает ренессанс национализма, и этот неожиданный для «мира без границ» поворот в сознании и в политике можно считать своего рода «парадоксом глобализации» [1, с. 5]. Меняется парадигма мирового развития, и новые вызовы требуют адекватной реакции, прежде всего, на уровне ценностей и этических норм социального общения. В этом контексте наиболее уязвимой для внешнего давления и политического манипулирования оказывается сфера межэтнических отношений.

Необходимость осмысления истоков межэтнической конфликтности, рост национализма и сепаратизма способствуют исследованию и разработке теоретических и методологических подходов к оценке потенциала конфликтности, прогнозированию перспектив развития межэтнических взаимодействий. Изучение сущностной природы и идейного содержания этничности и национализма, анализ возникающей конфликтности и противоречий приводят к пониманию «принципиальной важности гражданской идентичности как ресурса регулирования, основы для поддержания согласия в многокультурных обществах, какими являются все современные социумы» [1, с. 5].

В эпоху глобальных преобразований в политической, экономической, духовной сферах общественной жизни, парадоксального сближения и разобщения этносов и культур национальные проблемы приобрели особую остроту и значимость. Эти изменения, преобразовавшие за короткий срок всю систему общественных отношений, привели к возникновению сложных проблем, существенно повлияли на характер межнациональных отношений, выявив значительный межэтнический конфликтный потенциал. В данных условиях межнациональной напряженности представляется крайне важной задачей понять особенности социокультурной среды общества, в котором живут граждане, и выявить их потенциал в изменении социально-политической и экономической ситуации. Современным обществам присущи глубинные ценностные различия, которые проявляются в мировосприятии людей разных культур и разных цивилизационных устоев. Это определяет перспективы поддержания социальной сплоченности современных обществ, для недопустимости их дезинтеграции. Анализ мирового опыта особо актуален для России, где межэтнические отношения исторически являются неотъемлемой частью политического процесса.

В современном мире число этнических конфликтов растёт в связи с общей трансформацией и глобализацией мира, с кризисом и перестройкой государства-нации. Острота и сложность

этнополитических конфликтов обусловлены ценностями, мировоззрениями и различными интересами. Для регулирования конфликтов необходимо определить их причины и факторы их актуализации с учётом интересов всех стран. С одной стороны, это традиционный жизненный уклад, а с другой – модернизированная трансформация. Необходимо констатировать, что в современный период тесно взаимосвязаны внутривнутриполитический и внешнеполитический факторы возникновения, эскалации и регулирования разных конфликтов. В случае конфликтов в Косово, в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине этносоциальные и этноконфессиональные противоречия являются основным ресурсом конфликтности. «Но динамика и управление этими конфликтами в решающей степени зависят от внешнеполитических факторов; игнорировать эту их роль было бы некорректно как с научно-теоретической, так и с практически-политической» [2, с. 92]. Изучая проблематику этнических конфликтов, необходимо заострить внимание на его политическом аспекте. Исходя из доминирования доктрины глобализации, определяется и глобальная ответственность и влияние мировых лидеров. В связи с этим определяющим признаком перехода конфликта в открытую фазу является «политизация движущих этим конфликтом противоречий (этнических, социальных, конфессиональных и т.п.). Именно переход конфликта в плоскость политики делает его значимым для внешних игроков и создает предпосылки и механизмы их участия в нем..., более того, стимулирует попытки этих внешних игроков “содействовать” такой политизации» [2, с. 93].

Внешнеполитическое или военное вмешательство для многих современных государств в чужие конфликты является «эффективным способом преодолеть внутренние, в том числе этносоциальные размежевания и расколы в собственном обществе и таким образом сплотить нацию перед лицом нередко специально конструируемого и продвигаемого с помощью медийных и PR-технологий образа «внешнего врага» [2, с. 93].

Следовательно, без понимания важной роли внешнеполитических факторов

невозможно эффективное регулирование и предотвращение эскалации конфликтов, превращения их в международные. Необходимо отметить, что в международных отношениях XX в. внутренний и внешний факторы рассматривались в качестве автономных. Сегодня они смешаны и взаимосвязаны. Характерно, что во все перечисленные современные конфликты были вовлечены США и страны Евросоюза, используя и военную силу в виде так называемых «гуманитарных интервенций», но и ресурсы «мягкой силы» (soft power), которые проявлялись в:

- масштабной информационной пропаганде, влияющей на сознание масс;
- давление и подкуп правящих элит;
- финансирование одной из сторон конфликта;
- разнообразные приёмы политического и дипломатического давления.

Но внешнеполитический фактор имеет разноаспектность. Например, конфликт в Сирии, начавшийся в 2011 г. Здесь, кроме США и Евросоюза, важную внешнеполитическую роль сыграли Россия, Турция, Саудовская Аравия, Катар. Иран и др. Ещё одним примером является конфликт на Украине, в котором участвуют США, страны Европы и Россия. Решающее значение приобретает этнополитический ресурс национальной консолидации. Украинский и другие конфликты свидетельствуют, что в условия современной глобализации внутренний и внешнеполитический факторы глубоко взаимодействуют, что ведет к усугублению конфликта, к превращению его из внутреннего этносоциального и этнополитического в международный.

Факторы актуализации этнополитической конфликтности.

В настоящее время, исходя из проанализированного массива фактов, можно выделить в ряду ключевых:

- фактор исторической памяти;
- фактор диспропорций в экономическом развитии и чётко выраженных социальных дисбалансов;

- культурно-лингвистический фактор;
- фактор межэтнических (этноплеменных, межклановых) противоречий;
- фактор религиозных (межконфессиональных) противоречий;
- внешнеполитический фактор.

Учёные А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова обязательным условием возникновения межэтнических конфликтов определяли сочетание трёх факторов:

1. Уровень этнического самосознания – завышенный, заниженный или адекватный (в последнем случае конфликта не возникает).

2. Наличие в обществе «критической» массы проблем, которые оказывают существенное давление на основные аспекты и стороны жизни этноса.

3. Наличие политических сил, которые в своей борьбе за власть способны использовать два предыдущих фактора [3, с. 352].

Другие исследователи выделяли иные проявления существенных различий, провоцирующих конфликтное взаимодействие этносов:

- 1) различия в структурной повседневности;
- 2) различия уровня экономического и культурного развития;
- 3) неравенство правового статуса в составе многоэтнических государств;
- 4) различия исторической судьбы и исторической памяти;
- 5) различия в сфере этнической идеологии;
- 6) различия в этническом характере и темпераменте;
- 7) религиозные различия;
- 8) различие в уровне ксенофобии в этнических сообществах [4, с. 109-110].

При анализе конкретных фактов, особенно в их динамике, следует принимать во внимание и ряд иных факторов, значение которых усиливается тем, что они зачастую проявляются на международно-политическом уровне, оказывая существенное влияние на глобальную политическую повестку дня [1, с. 30].

Для более глубокого понимания необходимо остановиться на основных факторах, среди которых важен фактор исторической памяти. Актуализация этого фактора в современную эпоху информационных войн неслучайна. «Историческая память остается базовым элементом поведенческих мотиваций людей в их гражданской и политико-идейной ипостаси» [1, с. 31]. С ней сопрягается и патриотическое чувство, и самоидентификация человека в общественно-политической сфере. Наряду с этим историческая память в современных условиях все чаще выступает в качестве фактора, ключевым образом определяющего динамику конфликтности. Именно целенаправленная реконструкция национальной и мировой истории в целях политического использования исторической памяти общества становятся сегодня важнейшими инструментами политики глобального управления и практик нациестроительства. На постсоветском пространстве наиболее характерны примеры стран Балтии и Украины. Этот фактор представляется одним из наиболее критичных с точки зрения перспектив миропорядка, основанного на сообществе суверенных национально-территориальных государств, нерушимость и легитимность которого до последнего времени обеспечивалась именно за счет согласованности и непротиворечивости исторической памяти держав-гарантов. Это ещё более обостряет противостояние, расшатывая существующий консенсус по многим болезненным вопросам исторической памяти современной цивилизации. Как результат – новый очаг геополитического противостояния.

Фактор диспропорций в экономическом развитии и четко выраженных социальных дисбалансов. Этот фактор обусловлен противостоянием экономических интересов сторон конфликта. Борьба сторон лежит в сфере политики, но они апеллируют к этнической мотивации для объяснения экономического отставания и социальных проблем сообщества, выступающего активной стороной конфликта. Зачастую такое отставание является следствием социальной и политической дискриминации со стороны центральной власти по отношению к этническим меньшинствам. Авторы

указанного аналитического доклада пришли к выводу, что «фактор экономических диспропорций сегодня работает и в противоположном направлении: более высокий уровень экономического развития стимулирует автономистские и сепаратистские настроения. Волна такого «нового национализма» поднимается в странах с развитыми институтами гражданского общества и относительно высоким уровнем социального благосостояния» [1, с. 32].

Культурно-лингвистический фактор – один из важнейших факторов этнополитической конфликтности, характеризующий качество социальной среды конфликта, глубинный потенциал его эскалации или сдерживания. Язык и культурные маркеры, с которыми отождествляет себя сообщество, остаются важнейшими ресурсами социальной и политической консолидации, средством мобилизации и, вместе с тем, возможной основой консенсуса и компромисса между противоборствующими сторонами. Конфликтность по вопросам политики в области языка и культуры развивается сегодня на фоне устремлений глобальной политической тенденции к их унификации и стандартизации. В целом же вопросы о пределах культурного разнообразия и о потенциале политики идентичности остаются одними из ключевых в современных поликультурных обществах.

Фактор межэтнических (этноплеменных, межклановых) противоречий характерен для конфликтных ситуаций с участием немодернизированных сообществ, плохо интегрируемых в современное политическое пространство. В большинстве случаев такой конфликт – это конфликт традиционалистского сознания с продвигаемыми извне императивами современного государственного правопорядка, культурными и поведенческими нормами, разрушительными для исторически сложившихся институтов и культуры. Его усугубляет слабая адаптация навязанных институциональных форматов к потребностям в особом представительстве интересов этно-племенных и клановых сообществ, в сохранении за ними традиционных территорий расселения и формирующего традиционный этнос вмещающего ландшафта.

При этом конфликтность между племенами и кланами, с одной стороны, и центральным правительством, с другой, осложнена спорадически возникающими разногласиями между самими союзными племенами и кланами, особенно в период правительственных кризисов. Значение этого фактора стремительно сокращается по мере консолидации демократического режима в стране. Напротив, его явные проявления свидетельствуют, как, например, в случае Киргизии или стран Магриба, о существенных проблемах в процессе модернизации и продвижения демократии.

Фактор религиозных (межконфессиональных) противоречий, религиозного фундаментализма стоит особо в ряду факторов актуализации межэтнической напряженности. Его действие связано с вовлечением в политический процесс ресурсов отнюдь не этнической и даже не национальной природы и направлено не столько на эскалацию этнополитической конфликтности, сколько на политизацию противостояния цивилизаций и культур путем апелляции жизненно значимым для человека религиозным ценностям. Влияние этого фактора на процессы этнополитической конфликтности можно рассматривать скорее как «опосредованное». Но этого влияния бывает достаточно для открытого вооруженного противостояния и в буквальном смысле «войны цивилизаций». Наибольшую остроту, как свидетельствует практика последних лет, фактор религиозных (межконфессиональных) противоречий приобретает в тех конфликтах, где хотя бы одной из сторон является то или иное мусульманское сообщество. В мире ислама, в силу активности исламского общества в нынешней фазе его «универсалистско-негражданской трансформации» и демографического перехода, именно этот фактор сегодня имеет зачастую решающее значение [1, с. 33].

Примером являются гонения на православные общины в Украине в контексте националистической революции 2014-2017 гг. Характерно, что межрелигиозные и межконфессиональные противоречия зачастую приобретают форму противостояния фундаменталистски настроенных

политизированных группировок всему их социальному окружению, поскольку это окружение не принимает «истинного» вероучения и не следует «правильным» нормам социального поведения.

Внешнеполитический фактор, включая фактор борьбы за стратегические невозобновляемые ресурсы. Политизация этнонациональных противоречий становится сегодня эффективным средством продвижения интересов крупных игроков глобальной политики, инструментом политического контроля над процессами в странах «мировой периферии». Стратегия, ориентированная на хаотизацию и практику «внешнего управления», включает «стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих нации и этноориентированные сообщества в их составе по их отношению к свободе, демократии и т. п.» [1, с. 34]. Действие внешнеполитического фактора, безусловно, является важной составляющей таких противостояний, но эффективность внешних, мотивированных глобальными стратегическими интересами усилий в решающей степени зависит от параметров социальной среды, от её отзывчивости на внешние стимулы. Активизация внешнеполитического фактора зачастую обусловлена борьбой субъектов мирового рынка за глобальное доминирование в условиях дефицита невозобновляемых ресурсов развития, имеющих стратегическое значение. В повестке дня стоит дефицит питьевой воды, плодородных почв, основных продуктов питания, некоторых редких, но критически важных для современного высокотехнологичного производства металлов и т.д. Стратегия глобальных игроков ясна – добиться доминирования с целью последующей конвертации преимуществ монопольного обладания общественно значимыми ресурсами в контроль над обществом и его политическими институтами.

Перечень факторов не является исчерпывающим. К этому характеристику этнополитической конфликтности необходимо добавить несколькими важными дополнительными параметрами.

Параметр, характеризующий актуальную интенсивность конфликта и принимающий четыре значения: латентный конфликт, активный и горячий и

замороженный. В латентном конфликте стороны в целом соблюдают принципы современной политики; их действия остаются в политических рамках конституционно-правового поля. Такие конфликты, нередко, воспринимаются, как потенциально стремящиеся перейти активную фазу. Практики активного конфликта преодолевают институциональные и процедурные ограничения демократии, но останавливаются перед перспективой прямого насилия, силовых действий. Открытое противостояние органам обеспечения правопорядка воплощается в акциях гражданского неповиновения и несанкционированных властями мирных протестах. Стороны горячего конфликта не останавливаются перед применением открытого насилия, активно практикуют силовые методы вооруженной борьбы; в современном мире конфликты такого типа нередко маркированы взаимными обвинениями сторон в терроризме. Массовое применение насилия против гражданского населения переводит этот конфликт в фазу гражданской войны с почти неизбежным в эпоху глобализации внешним вмешательством, а использование хотя бы одной из сторон современных вооружений зачастую провоцирует серьезное межгосударственное противостояние на региональном или даже глобальном уровнях. Замороженный конфликт характеризует состояние неразрешенных, загнанных вглубь противоречий, сохраняющихся как результат купирования (как правило, принуждающим воздействием извне) горячей (активной) фазы противостояния.

Наличие трансграничных конфликтов указывает на то, что потенциал этнополитической конфликтности делокализован, а сам конфликт охватывает территории по меньшей мере двух соседних государств. С представлениями о границе сегодня происходят стремительные метаморфозы [1, с. 35]. Фактор наличия политического представительства интересов сторон является важным дополнительным параметром развития этноконфликтных противостояний всех трех типов. 1 января 2017 г. Центральная власть Испании распустила парламент Каталонии и ввела в регионе режим прямого правления согласно ст. 155 Конституции страны. Парламент региона признал решение Центра о

своем роспуске, сепаратистские политические силы согласились принять участие в выборах, назначенных на 21 декабря 2017 г. Несмотря на остроту противостояния властей региона и Центра (а во многом и ввиду этой остроты и отрицательной позиции большей части каталонского бизнеса) прогнозы возможного исхода указывают на высокую вероятность победы противников отделения региона от Испании.

По итогам представленного анализа, как отметили его авторы, «можно говорить о явном доминировании в странах демократической политической традиции политико-институциональных конфликтов. Главная причина в том, что сегодня здесь растёт запрос на децентрализацию, на развитие разнообразных форм автономного самоуправления. Недостаточная институциональная обеспеченность такого запроса стимулирует сепаратистские устремления местных политических элит, в результате могут появиться новые очаги политико-территориальной конфликтности. Стратегия предупреждения и регулирования таких противоречий должна иметь не только адекватную институциональную поддержку, но и постоянно обновляться в соответствии с новыми задачами» [1, с. 42].

Таким образом, изучив проблематику этнической конфликтности, можно резюмировать, что, во-первых, все перечисленные факторы возникновения и эскалации этнических конфликтов тесно взаимосвязаны, во-вторых, при всей их многообразности доминируют этносоциальные и этноконфессиональные противоречия, в-третьих, от понимания важности многих факторов (например, внешнеполитического) зависят динамика и управление этническими конфликтами.

Список источников:

1. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 229 с.
2. Лапкин В. В., Пантин В. И. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов. Этнополитические процессы и нация в меняющемся мире / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 12. – С. 92-103.
3. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учеб. для вузов. 3-е изд. / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – СПб.: Питер, 2007. – 591 с.

4. Гуськов А.Я., Алексеев С.В., Говядкин И.Е. Конфликтология. Учеб. пособие для бакалавров / А. Я. Гуськов, С. В. Алексеев, И. Е. Говядкин. – М.: Проспект, 2013. – 176 с.

УДК 34.09

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН СНГ

Лещенко Ирина Ивановна кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: ira_leshenko@mail.ru

Черненко Илона Романовна
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема ограничения права на информацию в системе национальной и государственной безопасности стран СНГ в современных реалиях усиливающегося информационного воздействия в рамках масштабной и агрессивной информационной войны, которую организовано проводят против России, а, следовательно, и против её союзников, страны Запада во главе с США. Острота информационных проблем требует постоянного научного осмысления с целью информационного противостояния.*

***Ключевые слова:** информационная безопасность, страны СНГ, ограничение информации, правовая защита информации, доступ к информации*

Современные интеграционные процессы актуализируют не только миссию Содружества Национальных Государств (СНГ), которое остаётся одной из главных интеграционных организаций в данном регионе, но и требуют проектирования нового сотрудничества и договорённостей во всех сферах, в том числе информационной. Проблема правовой защиты информации возросла со стремительным повышением роли информации в обеспечении государственной безопасности, в том числе и коллективной. В современных реалиях возникает необходимость международно-правового урегулирования проблемы защиты государства от угроз в информационной

сфере в новом контексте. Активное внедрение информационных технологий, открытость трансграничных информационных систем, доступность информации не только создали уникальные возможности для цивилизованного развития, но и предполагают ответственность и безопасность.

Переход к информационному обществу несёт в себе не только блага, но и новые вызовы и угрозы национальной и государственной безопасности. В связи с этим актуализируется проблема не только ограничения права на информацию в системе национальной и государственной безопасности стран СНГ, но и в контексте современных интеграционных процессов, представляющих сложнейший комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем, требующих эффективного решения. Неслучайно поэтому в последние годы заметно возрос уровень законотворческой активности в странах Содружества и, прежде всего, РФ. Так, указами Президента РФ утверждена «Доктрина информационной безопасности России» № 646 от 5 декабря 2016 г., принят федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 г. [1], а также предусмотрены меры по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации в сфере международного информационного обмена [2, с. 37]. В странах СНГ все направления сотрудничества отражены в документах, принятых в последние годы: «Концепции дальнейшего развития Содружества», «Положении о Совете по гуманитарному сотрудничеству государств – участников СНГ» и «Плане основных мероприятий по её реализации» [3].

Информация становится реальной силой, а информационное воздействие на государство, общество и граждан становится более эффективным, чем политическое, экономическое и даже военное. Актуальность исследования объясняется остротой современных проблем, связанных с масштабной и агрессивной информационной войной, которую организовано проводят против России, а, следовательно, и против её

союзников, страны Запада во главе с США. Острота информационных проблем требует постоянного научного осмысления с целью информационного противостояния.

Первостепенной задачей любой страны является обеспечение национальной и государственной безопасности, одним из элементов которой принято выделять информационную безопасность, в связи с чем, и проводится политика ограничения права на информацию. Однако возникает парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, во всех основных государственных законах декларируется принцип свободного доступа к информации, а, с другой – необходимо её ограничивать в силу национальной и государственной безопасности. Как это можно соотносить? Как это решается в отдельных государствах, и какие коллективные решения может принять Содружество стран. Ответить можно достаточно обобщённо. Теоретически это выстраивается в определённую концептуальную модель, ключевым принципом которой является приемлемый компромисс между свободой и безопасностью, выработка определённого баланса. Для стран СНГ эта задача многогранна. Необходимо определить степень баланса, исходя из интересов безопасности каждого отдельного государства и соответственно коллективной безопасности всего Содружества, и закрепить это законодательно на всех уровнях.

Давно известно, что, во-первых, одним из главных условий существования человека и общества является безопасность, обеспечение которой – одна из важнейших функций государства, во-вторых, человек, общество и государство являются основными объектами безопасности, а государство – основным субъектом обеспечения безопасности. Функции по обеспечению безопасности осуществляют органы законодательной, исполнительной и судебной властей. В 90-е гг. XX в. произошла переориентация приоритетов развития государства на всём постсоветском пространстве. Например, произошёл переход приоритета от безопасности государства к безопасности индивида и общества. В 1992 г. был принят закон

РФ «О безопасности» № 2446-1 (ред. от 26.06.2008), в котором впервые законодательно было определено понятие безопасности, как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [4]. Термин «национальная безопасность» был сформулирован лишь в 1997 г. в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, принятой указом президента РФ от 17.12.1997 г. № 1300 (ред. от 10.01. 2000 г.). Под национальной безопасностью России определялась «безопасность её многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» [5]. Характерно, что национальная безопасность каждого государства складывается из нескольких составляющих, соответствующих различным сферам жизни общества. От определения баланса этих составляющих зависит эффективное выполнение государством функции обеспечения безопасности. Необходимо также обращать внимание на новые проблемы информационной безопасности, которые возникают в связи с технологическими прорывами в разных сферах развития общества. Современная информационная сфера представляет совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации.

В современных реалиях информационная безопасность становится, наряду с экономической, политической и военной безопасностью, ведущим элементом безопасности на всех жизненно важных уровнях государственного развития. В интересах безопасности личности, общества и государства со стороны государства часто предлагается усиление контроля над всеми сторонами жизни общества. Например, введение электронных документов личности с его биометрическими данными, а также тотальное видеонаблюдение и др. С безопасностью в последнее время связан терроризм, из-за которого поднимают проблему возможного ограничения свободы слова в целях борьбы с терроризмом. Некоторые операторы сотовой связи предлагают услугу слежения за абонентом с точностью определения

местоположения до нескольких метров. Следовательно, важен компромисс между свободой и безопасностью с чёткой и жёсткой регламентацией возможного ограничения свободы личности и неукоснительного следования конституционным принципам. Поэтому соблюдение и дальнейшая регламентация установленных в Конституции прав и свобод человека и гражданина является классическим принципом и гарантией недопущения произвола в обеспечении безопасности, т.е. гарантией компромисса между свободой личности и безопасностью общества.

Вопросы соотношения понятий национальной, государственной и информационной безопасности и место конфиденциальности в системе национальной безопасности являются важными и сегодня.

Важным аспектом информационной безопасности является конфиденциальность определённых сведений. Тайна – один из правовых инструментов обеспечения национальной безопасности государства и общества – и сегодня является основной составляющей системы информационной безопасности, которая, в свою очередь, является главным элементом национальной безопасности. Современные правоведы отмечают недостатки законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности и, в частности, конфиденциальности. Это оценка относится также и к нормативным актам, регламентирующего реализацию права на информацию, принятым в последнее время. Например, П.С. Скопец в своём диссертационном исследовании обосновывает позицию о необходимости двухуровневой регламентации оборота конфиденциальной информации: принятия базового нормативного акта, регламентирующего основы конфиденциальности и специальных актов, учитывающих особенности конкретных видов тайн [6, с. 17].

Для всех стран СНГ право доступа к информации, предусмотренное в Конституциях и законодательных актах, не является абсолютным. Практически все государства законодательно прописали ограничение или полный запрет на доступ к определенным видам информации. Речь идёт о

государственной тайне, которую законодательство стран СНГ трактует как информацию, касающуюся военной, научной, экономической и внешнеполитической деятельности, работы органов разведки и контрразведки, а также исследований, раскрытие которой может представлять угрозу национальной безопасности.

Понятие и сущность «конфиденциальной информации» детально раскрывается в Указе Президента РФ от 6 марта 1997 года (№ 188), в котором определено, что «конфиденциальная информация – это сведения, доступ к которым ограничен с целью соблюдения прав и законных интересов физических или юридических лиц, являющихся их владельцами, источниками или субъектами. В частности это сведения:

- о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением данных, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях;

- составляющие тайну следствия и судопроизводства;

- служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом РФ и федеральными законами (служебная тайна);

- связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и т.д.);

- связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Гражданским кодексом РФ и федеральными законами (коммерческая тайна);

- о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них» [7].

Тайну следствия необходимо соблюдать в интересах поиска преступников, защиты свидетелей. Распространение данных предварительного следствия влечёт за собой уголовную ответственность по статье 139 Уголовного кодекса РФ. Что касается тайны судопроизводства, то речь здесь идёт о тайне закрытых для публики судебных процессов и предшествующих вынесению решения или приговора судебных совещаний судей или присяжных заседателей (ст. 298 и 341 УПК РФ).

Таким образом, каждый вид информации ограниченного доступа в соответствии со спецификой субъекта имеет свои задачи по обеспечению информационной безопасности:

- государственная тайна защищает интересы безопасности государства;
- профессиональная тайна – права лиц, обратившихся за профессиональной помощью;
- коммерческая тайна обеспечивает охрану информации на предприятиях, в учреждениях, организациях;
- служебная тайна создает безопасность государственного управления;
- информация ограниченного доступа личного характера защищает права, свободы и интересы граждан.

К категории ограничения права на информацию следует отнести недопустимость злоупотребления этим правом. Злоупотребление возможно в отношении как права на информацию, так и права на тайну, в связи с чем, необходимо законодательное установление такой формы ограничения права на информацию, как недопустимость злоупотребления правом.

Нарушение баланса между гарантией прав граждан на информацию и необходимостью её ограничения в целях безопасности просматриваются в Указе Президента РФ от 11 февраля 2006 г. № 90 «О перечне сведений, отнесённых к государственной тайне». В нём содержится обширный список сведений, который может быть отнесён к государственной тайне, в нарушение норм Конституции РФ и федерального законодательства, определяется не федеральным законом, а подзаконным актом. Это – очевидное нарушение.

Подобная ситуация обнаруживается ещё в одном действующем документе, а именно: Постановление Правительства РФ № 1233 от 3 ноября 1994 г. «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти» [8]. Эти пробелы законодательства снижают эффективность гарантий прав граждан на информацию и приводят к нарушению их на практике.

Недостатком в системе гарантий прав человека и гражданина на информацию, по мнению правоведа Л.И. Валитовой, является то, что, во-первых, «среди них мало норм, ограничивающих произвол государственных органов в указанной сфере» [9]. Во-вторых, отсутствие активной гражданской позиции населения, которая «поможет дисциплинировать власть, что в свою очередь наполнит декларативные права реальным содержанием». Трудно не согласиться с подобным выводом.

Современное информационное общество с активным внедрением информационных технологий, открытостью трансграничных информационных систем, доступностью информации, создало уникальные возможности для цивилизованного развития. Это, с одной стороны, обеспечивает прорывное развитие разных сфер жизнедеятельности государства, а, с другой – сохраняет опасность для государственности в стране, где интернет-технологии остаются без контроля власти. Все эти аспекты формирования информационной политики учитывают страны СНГ. Прежде всего, это касается Российской Федерации. Органы власти РФ активно участвуют в формировании продуманной, учитывающей интересы личности, общества и государства информационной политики. В 2000 г. Президент В. В. Путин одобрил «Доктрину информационной безопасности Российской Федерации» [1]. Под информационной безопасностью в данном документе понимается состояние защищённости национальных интересов в информационной сфере, где определяется совокупность интересов личности, общества и государства.

В 2010 г. президент республики А. Г. Лукашенко утвердил «Концепцию национальной безопасности», определяющая интересы страны в информационной сфере, источники угроз. Годом ранее совет министров республики одобрил постановление «О некоторых вопросах защиты информации» [10]. Удаётся ли соблюдать в стране баланс интересов личности, общества и государства? Ответ на этот вопрос, возможно, содержится в отчёте, подготовленном международным советом по исследованиям и обменов IREX. Этой организацией определён индекс устойчивости средств массовой информации Европы и Евразии-2016 (MSI). В документе отмечено, что в Беларуси произошли изменения, связанные с экономическим кризисом и потеплением отношений с Западом. Государственный контроль гражданского общества и независимых средств массовой информации упрощён, поскольку иностранное финансирование значительно снизилось, а белорусское правительство сохраняет инструменты ограничения деятельности традиционных средств массовой информации и продолжает ужесточать контроль Интернета. В исследовании содержится также вывод о том, что благодаря государственной поддержке около 600, контролируемых государством, массмедиа представляют одну точку зрения, которая в значительной степени согласована с правительством [10].

В 2009 г. принята «Концепция информационной безопасности Республики Армения», в которой определены угрозы и их источники. В 2014 г. правительство страны утвердило «Принципы управления Интернетом», в документе названы в качестве основных задач государственное обеспечение надёжности и безопасности сетей, сотрудничество в области управления Интернетом с межгосударственными, международными, региональными организациями.

В выработанной странами СНГ совместной концепции по взаимодействию в информационной сфере (1996, 2007 гг.) содержатся основы и приоритетные принципы, к которым относятся:

– беспрепятственное и не цензурируемое распространение открытой информации о жизнедеятельности государств – участников СНГ и органов содружества;

– обеспечение гражданам, предприятиям, организациям доступа к национальным и международным информационным ресурсам.

Несмотря на предпринимаемые совместные действия, проблема доступности тех или иных видов информации существует во всех странах СНГ.

Таким образом, необходимый баланс между ограничениями права на информацию и гарантиями реализации права на информацию должен быть установлен законом и обусловлен необходимостью обеспечения безопасности личности, общества и государства наряду с обеспечением свободы личности.

Всё это свидетельствует о том, что данные проблемы взяты государствами СНГ «на вооружение» и рассматриваются не только на национальном уровне, но и являются предметом коллективного изучения. Национальная безопасность Российской Федерации, как и любого государства Содружества, существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет только возрастать.

Список источников:

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/ukazy-prezidenta/ukaz-prezidenta-rf-5-dekabrya-2016g-no-646.html>. – Дата обращения: 12. 01 2020. – Загл. с экрана.
2. Хрестоматия по конституционному праву Российской Федерации / Сост. Ю.Л. Шульженко. – М.: Юрист, 1997. – 782 с.
3. Концепция дальнейшего развития Содружества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/page/18763>. – Дата обращения: 01.12.2019. – Загл. с экрана.
4. О безопасности : закон РФ от 05.03.1992 г. № 2446-1 (ред. от 26.06. 2008 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-05031992-n-2446-1-0/>. – Дата обращения: 01.12.2019. – Загл. с экрана.
5. Концепция национальной безопасности Российской федерации, указ Президента РФ от 17.12.1997 г. (ред. от 10.01.2000 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17186/. – Дата обращения: 01.12.2019. – Загл. с экрана.
6. Скопец П.С. Государственно-правовое регулирование конституционного права граждан России на информацию и его ограничений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.: 12.00.02. / Скопец Павел Сергеевич. – СПб: С.-Петербургский гуманит. ун-т профсоюзов, 2006. – 23 с.

7. Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера: указ Президента РФ от 6.03.1997 г. № 188 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10200083/>. – Дата обращения 01.12. 2019. – Загл. с экрана.
8. Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти : постановление Правительства РФ № 1233 от 03.11.1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 29. – Ст. 3035.
9. Валитова Л.И. Конституционные гарантии права на доступ к информации / Л.И. Валитова // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 12. – № 4. – С. 1895-1898.
10. Министерство информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mininform.gov.by>. – Дата обращения: 01.12.2019. – Загл. с экрана.

УДК 340.1

О ХАРАКТЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры теории и истории государства и права ГОУ ВПО

«Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: e_matvienko@mail.ru

Гугкаев Георгий Витальевич ГОУ ВПО «Донецкий

национальный университет», г. Донецк E-mail:

joragug@gmail.com

***Аннотация:** проанализированы подходы к пониманию принудительной формы реализации юридической ответственности. Раскрыто соотношение между юридической ответственностью и мерами государственного принуждения. Приведены характерные черты государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности.*

***Ключевые слова:** юридическая ответственность, наказание, реализация ответственности, государственное принуждение, санкция правовой нормы.*

Постановка проблемы. Формирование гражданского общества и правового государства неразрывно связано с проблемами взаимной ответственности государства и гражданина, ключевым элементом которой является юридическая ответственность. Важность исследования форм реализации юридической ответственности определяется тем, что становление правового государства связано с добросовестным выполнением правовых

предписаний всеми субъектами права (государством, его органами, должностными лицами, организациями, гражданами), а также их способностью к оценке своих действий с учетом вероятных пользы или вреда для общества.

В научной литературе вопрос о существовании добровольной формы реализации юридической ответственности остается дискуссионным, но ученые единогласно признают наличие негативного аспекта ответственности или рассматривают всю ее сущность в негативной ответственности. На этом и заканчивается сходство точек зрения. Сегодня остается спорным вопрос о сущности, понятии, моменте возникновения и прекращения государственно-принудительной ответственности. Дело в том, что уяснить сущность целостного явления отдельно от одной из его форм невозможно. Рассмотрение добровольной формы реализации ответственности без ее взаимосвязи с принудительной приводит к уменьшению ее роли. Необходимость выработки рекомендаций по совершенствованию законодательства ввиду роста уровня преступности свидетельствует о важности более детального изучения понятия юридической ответственности.

В современной литературе нет единства мнений о сущности и признаках государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности. Характерным чертам указанной формы ответственности посвящены работы Я.В. Бакарджиева, И.А. Кузьмина, Д.А. Липинского, Н.С. Малеина, Р.Л. Хачатурова и других правоведов.

заключается в характеристике государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности.

Анализ юридической литературы свидетельствует о существовании нескольких направлений понимания принудительной формы юридической ответственности. Так, по мнению Н.С. Малеина, наказание и представляет собой юридическую ответственность. Развивая эту мысль, ученый утверждает, что сущность ответственности и ее неотъемлемый признак заключаются в наказании правонарушителя. На основании такой трактовки автор делает

вывод о том, что целью юридической ответственности является защита справедливости [6, с.36]. В этом случае закономерно возникновение вопросов о способах защиты справедливости в том случае, если ответственность предполагает только наказание, выступающее ее неотъемлемой характеристикой. Также спорным моментом является вопрос индивидуализации ответственности в случае ее сведения только лишь к наказанию. Эти вопросы обусловлены тем, что ответственность и наказание не являются тождественными понятиями.

Существует и другой подход к пониманию юридической ответственности, который рассматривает ее как реализацию санкции правовой нормы. Так, советский профессор М.И. Козюбра, исследуя проблемы правового убеждения и принуждения, отмечал, что санкция указывает на те неблагоприятные последствия, которые могут наступить для субъектов, нарушающих требования правовой нормы. Она представляет собой способ защиты правила поведения, которое представлено в диспозиции правовой нормы, от возможных его нарушений.

Другие авторы (С.С. Алексеев и др.) основной акцент делают на определении санкции, прежде всего, как средства принуждения к исполнению правовых норм, государственной оценки неправомерного поведения. Государственное принуждение имеет место и при реализации санкций добровольно, без вмешательства компетентных государственных органов. В.В. Серегина, в свою очередь, обращает внимание, что санкция – это конкретное средство принуждения, без нее норма перестает быть масштабом поведения [4, с.14].

Также в современной юридической литературе существует мнение о том, что понятие ответственности по своему объему является шире понятия применения санкций, поскольку включает также объективные истины по делу, применение предупредительных мер, права личности обвиняемого, основания освобождения от ответственности и прочие аспекты. Отмечается, что санкции могут соотноситься с юридической ответственностью таким образом, что

предусматривается возможность применения государственного принуждения за противоправное деяние на основании закона. То есть, санкция выступает своего рода гарантом соблюдения и выполнения субъектами права возложенных на них обязанностей.

Ряд ученых рассматривают ответственность как меру государственного принуждения, состоящую в негативных последствиях для правонарушителя, которые наступают в виде ограничений имущественного или личного характера (Д.М. Овсяненко, Л.И. Спиридонов и др.). К примеру, Р.З. Лившиц утверждает, что юридическая ответственность – это реакция общества на правонарушение. Недостаток указанного подхода заключается в том, что представляется невозможным отграничение мер государственного принуждения от ответственности.

Однако, такое средство воздействия как санкция в юридической литературе иногда трактуется в качестве меры наказания. Исследователи в области как уголовного права, так и теории права отмечают, что санкция – это вид и мера возможного наказания в случае, если субъекты прав не выполняют предписания диспозиции правовой нормы (А.И. Ореховский, В.В. Поляков). Для этого подхода характерно уточнение, что реализация наказания осуществляется через государственное принуждение, и санкция при этом определяет вид и меру наказания для правонарушителя, целью которого является его исправление и перевоспитание [1, с.22].

Приведенные положения побуждают к выводу о четкой взаимосвязи ответственности с наказанием, санкцией правовой нормы, реализацией санкции, то есть с наступлением для виновного лица негативных последствий. Но было бы принципиально неверным сводить все аспекты ответственности только к наказанию или реализации санкции правовой нормы. На самом деле она значительно шире и включает комплекс обязанностей правонарушителя. Нельзя отрицать, что ответственность тесно связана с наказанием и реализацией санкций правовых норм. Они являются важными компонентами содержания ответственности, но не единственными.

Важно учитывать, что применение наказания не является обязательным для юридической ответственности, поскольку последняя может существовать и без наказания. Когда от участника правоотношений требуется отчет за его действия, то это не подразумевает принуждения и вовсе не обязательно влечет за собой его применение. Возможность принуждения обязательно стоит за юридической ответственностью (уже поэтому данные категории не совпадают), принуждение может быть без ответственности (например, реквизиция), ответственность может реализоваться без принуждения [3, с.18].

В общетеоретических и отраслевых юридических трудах имеет место концепция ответственности, по которой главным признаком последней признается обязанность правонарушителя ответить за совершенное правонарушение (В.А. Рыбаков, В.А. Тархов, И.С. Самощенко и др.).

Соответственно, юридическая ответственность заключается в обязанности правонарушителя ответить за содеянное перед обществом и государством деяние и подлежать влиянию тех санкций, которые применяются к нему соответствующим органом. Большинство ученых признает в качестве необходимого компонента ответственности обязанность правонарушителя понести нежелательные для него последствия. Возникающие правоотношения в литературе называют охранными, охранно-регулятивными правоотношениями ответственности (Б.Т. Базылев, В.С. Прохоров, А.П. Чирков).

Другой разновидностью понимания юридической ответственности является ее трактовка как обязанности субъекта претерпевать определенные ограничения государственно-властного характера, предусмотренные законом, за совершенное правонарушение (В.В. Лазарев, А.И. Петелин и др.). К примеру, Н.С. Братусь определял юридическую ответственность как ту же обязанность, но исполняемую принудительно в случае, если субъект не исполняет ее добровольно. В таком ключе ответственность рассматривается как атрибут, элемент правоотношений [2, с.171].

Большинство из рассмотренных точек зрения указывают на отдельные признаки ответственности, но не характеризуют ее в целом. Исходя из исследования основных концепций, в понятие юридической ответственности за правонарушения должны входить следующие признаки:

- юридическая обязанность заключается в обязанности лица подвергаться мерам государственного принуждения;
- юридическая ответственность тесно взаимосвязана с государственным осуждением правонарушителя;
- влечет негативные для правонарушителя ограничения прав материального, правового или личностного характера [7, с.68].

Говоря о соотношении между ответственностью и мерами государственного принуждения, необходимо подчеркнуть следующее. Несмотря на то, что такое принуждение является необходимым признаком ответственности, это не единственный признак. В этом – основание для отграничения юридической ответственности от иных мер государственного принуждения. Однако не все меры государственного принуждения связаны с юридической ответственностью, ведь понятие такого принуждения шире понятия последней.

Таким образом, основанием применения юридической ответственности является правонарушение в совокупности всех его необходимых признаков. В то же время, для применения других мер государственного принуждения достаточно установления объективно противоправного деяния. Другим основанием отграничения государственно-принудительной ответственности от иных мер государственного принуждения является характер санкций норм юридической ответственности. Такие санкции должны носить карательный, штрафной характер. Основываясь на вышесказанном, отличие мер юридической ответственности от иных мер государственного принуждения заключается в:

- основании возникновения, в качестве которого признается правонарушение в совокупности элементов (для большинства отраслей права);

- целях, функциях (другим мерам принуждения не присуща карательная функция);

- отсутствии негативных последствий и дополнительных ограничений (для других мер принуждения);

- в субъектах реализации.

Потому к главным признакам, характеризующим государственно-принудительную форму реализации юридической ответственности, можно отнести: а) юридическую обязанность субъекта поддаваться негативным последствиям, обусловленным фактом совершения правонарушения; б) осуждение правонарушителя государством; в) лишения материального, правового или личностного характера для виновного лица, обязанного их испытать; г) сочетание с государственным принуждением [5, с.58-59].

В связи с этим, понятие государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности можно определить как способ закрепления юридических обязанностей правонарушителя подлежать осуждению со стороны государства, который осуществляется путем принудительного ограничения прав материального, правового или личностного характера и их реализации.

При определении соотношения понятий государственного принуждения и юридической ответственности необходимо учитывать, что не все мероприятия указанного принуждения связаны с ответственностью, ведь понятие государственного принуждения шире понятия юридической ответственности. Таким образом, основанием применения ответственности является правонарушение в совокупности всех необходимых его признаков, в то время, когда для применения других мер государственного принуждения достаточно установления объективно противоправного деяния.

К главным признакам, характеризующим государственно-принудительную форму реализации юридической ответственности, можно отнести юридическую обязанность лица подлежать негативным последствиям,

обусловленным фактом совершения правонарушения, осуждение правонарушителя государством, лишения виновного лица материального, правового или личностного характера в сочетании с государственным принуждением.

Список источников:

1. Бакарджиев Я.В. Концепции двуединого понимания юридической ответственности: авторские подходы / Я.В. Бакарджиев, И.А. Кузьмин // Вестник Омского государственного университета. Серия. Право. – 2016. – №2 (47). – С.21-27.
2. Бейсенова А.У. О методологии исследования юридической ответственности / А.У. Бейсенова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – №1 (59). – С.170-176.
3. Кузьмин И.А. Реализация юридической ответственности за правонарушение / И.А. Кузьмин // Сибирский юридический вестник. – 2020. – №2 (89). – С.16-23.
4. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность в динамике правового регулирования / И.А. Кузьмин // Мониторинг правоприменения. – 2019. – №2 (31). – С.11-15.
5. Липинский Д.А. Концепции юридической ответственности за правонарушение в отечественной юриспруденции / Д.А. Липинский // Известия ВУЗов. Правоведение. – 2015. – №1 (318). – С.45-63.
6. Малеин Н.С. Об институте юридической ответственности / Н.С. Малеин // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Труды по правоведению. Ученые записки Тартурского государственного университета. Вып. 852. – Тарту, 1989. – С.30-39.
7. Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности. Монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 950с.

УДК 347.965.6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Матвиенко Екатерина Александровна кандидат
юридических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: e_matvienko@mail.ru

Рясная Ангелина Руслановна ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет», г. Донецк E-mail:
ryasnaya2000@rambler.ru

***Аннотация:** адвокатская деятельность занимает ключевое место в механизме защиты прав человека и гражданина. В данной работе рассматриваются основные проблемы правового обеспечения адвокатской деятельности, также представляется актуальным исследовать проблемы института адвокатуры в современном мире.*

***Ключевые слова:** адвокатская деятельность, институт адвокатуры, юридическая помощь, проблемы адвокатской деятельности, адвокатура.*

В настоящее время, в действующем законодательстве особое внимание уделяется проблемам, которые возникают в адвокатской деятельности. Со стороны участников адвокатских сообществ в последние годы прослеживается тенденция увеличения количества нарушений законодательства. Эта тенденция позволяет укорениться стереотипу, что деятельность адвоката сориентирована исключительно на собственное обогащение. Однако корни проблемы находятся в области правосознания и правовой культуры граждан, поэтому решение данной проблемы подразумевает повышение общего уровня правовой культуры населения. Существуют различные проблемы, связанные с осуществлением адвокатурой своей деятельности, в том числе проблемы взаимоотношений государства и адвокатских сообществ. Проблемой государства по отношению к адвокатуре является призыв к контролю и надзору за её деятельностью, как это было в советские времена. Однако, в современном обществе государству необходимо гарантировать независимость адвокатуры и другие качества, с целью повышения авторитета института адвокатуры.

Фундаментальные основы адвокатской деятельности в становлении гражданского общества, а также проблемы правового обеспечения деятельности адвоката разрабатывали: А.Г. Кучерена, С.Р. Бекишиева, И.Н. Чорный, Е.В. Васьковский, Ю.А. Плотникова, Л.А. Демидова, В.И. Сергеева, А.А. Воронов. Среди других ученых, исследования которых касались современных проблем адвокатской деятельности и совершенствования законодательства в этом вопросе, можно назвать А.А. Синичнина, М.М. Магдилова. По словам ученого В.Н. Буробина, недостаточная теоретическая разработанность отдельных аспектов адвокатской деятельности является причиной несовершенства законодательства об оказании квалифицированной юридической помощи.

Целью исследования является изучение основных проблем правового обеспечения адвокатской деятельности, в том числе проблем института адвокатуры в современном мире и пути их решения, поскольку данный институт как институт гражданского общества призван активно участвовать в обеспечении прав граждан и повышении культуры правоприменения.

Адвокатура представляет собой профессиональное объединение, которое состоит из дипломированных юристов и выступает как элемент гражданского общества. Она создана юристами на добровольной основе с целью защиты прав и законных интересов граждан в форме оказания им квалифицированной юридической помощи [1, с. 7].

Право на профессиональную юридическую помощь и на защиту в суде имеет каждый человек, что закреплено на законодательном уровне. Государство тем временем возлагает такую обязанность на адвоката, который на профессиональной основе должен обеспечивать надлежащую реализацию такого права [2, С. 58].

На адвокатскую деятельность переносятся рассматриваемые в юридической науке цели субъективных прав, исходя из которых можно утверждать, что полномочия адвоката не только реализуют интерес их обладателя, но и характерны для защиты других лиц. В том числе,

обусловлены общим интересом и реализуют параллельно индивидуальную и социальную функции [3, с. 14].

Проблемы, возникающие в адвокатской деятельности, являются довольно серьезными и значительными для юридической теории и практики. В повышении роли адвокатуры и результативности ее деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи заинтересованы все институты гражданского общества [4, С. 59].

Весьма актуальна проблема правового обеспечения адвокатской деятельности, поскольку государство призвано соблюдать и отстаивать права, свободы и легитимные интересы на высшем законодательном уровне. В данной ситуации адвокатура выполняет двойственное назначение. Она выступает в качестве важнейшего структурного звена в осуществлении контроля за деятельностью государства, будучи главным институтом гражданского общества. Адвокатура осуществляет защиту прав и свобод доверителя, по заключенному с ним соглашению [5, с. 115].

Как правильно отмечает А.Г. Кучерена, «существуют сложности юридического оформления института адвокатуры, которые обоснованы рядом факторов. Не подлежит сомнению тот факт, что деятельность адвокатуры основана на нормативно-правовом регулировании лишь в установленных пределах (понятие, принципы, гарантии). В остальном она должна была определяться кодексами адвокатской этики – внутрикорпоративными стандартами. И немаловажен тот факт, что Закон об адвокатуре должен был нормативно оформить её систему как особый элемент гражданского общества – самоуправляемой, независимой общности профессионалов, на которую возложена публично-правовая обязанность в виде оказания квалифицированной юридической помощи» [6, С. 71].

Прежде всего, в обеспечении реальной состязательности в судопроизводстве заинтересованы адвокатура, государство и в том числе общество. Хотелось бы обратить внимание на то, что правоохранительным органам и судам необходимо более ответственно применять важнейшие

нормы процессуального законодательства: состязательность, презумпция невиновности, свобода оценки доказательств. Нарушение именно указанных принципов судопроизводства наиболее негативно воспринимается обществом, что не может не отразиться и на оценке адвокатской деятельности со стороны большинства граждан. Для того чтобы разрешить эту сложнейшую проблему необходимо внести изменения в правоприменительную практику судов и правоохранительных органов в части отношения к данной проблеме. Целесообразно обсуждать эту проблему сообща, со всеми другими заинтересованными лицами, не стесняясь разных процессуальных задач и интересов, так как в конечном итоге в этом заинтересованы все, а не только адвокаты.

В интересах адвокатуры добиваться признания со стороны государства, чтобы ее взаимоотношения с государством базировались никак не на подчинении, а на обоюдном дополнении и уважении. Поэтому, при выполнении своих обязанностей адвокаты должны, прежде всего, основываться на законе и руководствоваться Кодексом профессиональной этики адвокатов, в котором указано, что закон и нравственность превыше воли доверителя.

Подводя итог вышесказанному, можно определить понятие адвокатуры как один из важнейших социально-правовых институтов общества, она обязана проявлять постоянную активность в укреплении собственного статуса, в защите прав и свобод граждан и их объединений. Адвокатам следует завоевывать расположение общества и отдельных граждан, формировать социальное мнение, а также контролировать действия государства, предостерегая его от нарушений гражданских прав. Для повышения авторитета адвокатуры в прогрессивном обществе необходимо осуществление адвокатской деятельности, прежде всего, в интересах доверителя, которая не должна противоречить закону и морали. Для того, чтобы деятельность адвоката была эффективной, он должен обладать сведениями по конкретному делу в полном объеме. В таком случае, принципиальным фактором является

надежная информация из достоверных источников. Именно путем повышения качества и продуктивности правовой помощи, оказываемой работниками адвокатуры, в конечном итоге можно прийти к решению важнейших проблем, возникающих в адвокатской деятельности. Для этого необходимо создание адвокатуры нового типа, которая была бы основана на историческом опыте как самой адвокатуры, так и на достижениях правового обеспечения адвокатуры в более развитых государствах.

Список источников:

1. Воронов А.А. Роль адвокатуры в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Воронов Александр Алексеевич – М.: Рос. Акад. адвокатуры, 2008. – 58 с.
2. Чорный И.Н. Адвокатура как институт защиты прав и свобод личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Чорный Игорь Николаевич. – СПб.: НОУ ВПО «Юрид. ин-т», 2011. – 26 с.
3. Адвокатура в России : Учебник для вузов / Под ред. Демидовой Л.А., Сергеева В.И. – М.: Юстицинформ М, 2005. – 424 с.
4. Васьковский Е.В., Учебник гражданского процесса. / Е.В. Васьковский. – М.: Зерцало, 2015. – 442 с.
5. Бекишиева С.Р., Рамазанова И.М., Принцип верховенства права в профессиональном правосознании юристов // Юридический вестник ДГУ. – 2015. – № 3. – С. 12–15.
6. Магдилов М.М., Некоторые аспекты совершенствования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Общественные науки. – 2010. – Вып. 2. – С. 115–121.

УДК 34.07

МЕСТО И РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Святенко Евгений Олегович

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: zhekas2019@mail.ru

***Аннотация:** в статье рассматривается место и роль органов внутренних дел в формировании правового государства на примере Донецкой Народной Республики. Органы внутренних дел призваны защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств.*

***Ключевые слова:** органы внутренних дел (internal affairs agencies), Конституция (Constitution), государство (polity), реформа (reform).*

Проблематика исследования обусловлена тем, что на органы внутренних дел, как одну из важнейших составляющих механизма современного государства, возлагается выполнение многих важнейших функций, в том числе и обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан.

Изучением данной проблематики занимались такие учёные как: Е.Н.Пинчугина, С.Б. Старчук, Н.И. Полищук, К.В. Гурьянов, П.П. Сергун, Е.В. Пенионжек.

Определение места полиции в системе органов внутренних дел современного государства, выявить основные проблемы совершенствования организации и правового обеспечения деятельности органов внутренних дел современного российского государства.

Органы внутренних дел занимают существенное место в системе государственного регулирования. Сфера интересов данных органов в системе государственного управления выходит за пределы дипломатических, военных, внешнеэкономических, транспортных отношений. При этом она включает всё то, что не относится к вышеперечисленным сферам общественных отношений. Именно с появлением государства возникает необходимость полицейской деятельности, содержание которой определялось и определяется уровнем развития народов, создавших государства, целями и задачами, стоящими перед этими государствами.

В средние века, термин «полиция», не претерпел существенных смысловых изменений и его толкование, основывалось на древнегреческой этимологии, то есть понималось как «государственное устройство». Однако уже в XV веке во Франции термин «polícia» ассоциировался с общественной безопасностью, благополучием населения как результатом деятельности государства. В это же время аналогичным образом термин «guterpolizey» использовался и в Германии.

В России на протяжении последних 300 лет существуют органы внутренних дел, которые претерпевали различные изменения, связанные не только с трансформацией общественно-экономических формаций но и с изменением основных форм и методов работы.

Так, формирование и развития в России государственных правоохранительных органов, связано с учреждением царем Петром I в Санкт-Петербурге Главной полиции во главе с генерал-полицмейстером. Позже подобные управления появляются в нескольких десятках городах страны. Хотя некоторые органы, обеспечивавшие охрану общественного порядка, возникали в государстве Российском и до XVIII века, учреждение 7 июня 1718 года Главной полиции стало началом употребления термина «полиция» в России.

20 сентября 1802 года император Александр I упраздняет появившиеся еще при Петре I коллегии и создает восемь министерств, среди которых впервые появляется МВД. С этого времени ведет свое начало данное ведомство, претерпевшее за более чем 200-летний период времени немало трансформаций.

В XIX веке полицейские функции в Российской империи осуществляли правоохранительные органы, называемые «уездные полицейские управления», «городские полицейские управления». С 1810 года «для общего соображения и главного управления всех предметов, принадлежащих к государственной полиции», общее руководство полицией в масштабах страны осуществлялось Министром полиции.

Правоохранительные органы, объединенные под названием «полиция», функционировали в России до 1917 года. После начала Февральской революции 1917 года в Петрограде как альтернатива действующей полиции и для поддержания общественного порядка стали создаваться вооруженные формирования из добровольцев, получившие название «милиция». Формально-юридически полиция бывшей Российской империи перестала существовать с марта 1917 года после принятия Временным правительством постановления «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении Временного управления по делам общественной полиции и обеспечению имущественной безопасности граждан». С принятием 17 апреля 1917 года постановления Временного правительства «Об учреждении милиции» был создан новый орган государственной исполнительной власти – милиция.

Таким образом, краткий исторический обзор развития института полиции позволяет нам говорить о том, что значение термина «полиция» с момента его появления в лексиконе древних греков и до настоящего времени существенно трансформировалось. Если первоначально указанный термин трактовался весьма широко, как «государство», «форма правления», то впоследствии полицией стали называться государственные органы, осуществляющие в основном административно-надзорные и правоохранительные функции.

В настоящий момент, трудно представить такое государство, в котором отсутствуют органы внутренних дел и Донецкая Народная Республика не является исключением. Так как, ОВД осуществляют основные функции в обеспечении прав и свобод граждан. Во-первых, органы внутренних дел, будучи правоохранительными органами по своей природе, в первую очередь призваны решать именно задачи защиты прав и свобод человека и гражданина. На них возлагается обязанность по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений и правонарушений, так или иначе посягающих на жизнь, здоровье, собственность личности и иные блага, лежащие в основе прав и свобод. Каждодневная охрана общественного порядка органами внутренних дел создает необходимые

условия для нормальной жизнедеятельности граждан и способствует благоприятной и безопасной реализации ими права на труд, отдых, права на свободу передвижения, на митинги и шествия, не говоря уже о предупреждении посягательств на жизнь, здоровье и собственность граждан. Во-вторых, на органы внутренних дел возложен целый ряд функций некриминального характера по обеспечению реализации отдельных прав личности (например, регистрация граждан по месту жительства, регистрация автотранспорта, выдача лицензий и разрешений на приобретение, хранение и ношение огнестрельного оружия и т.д.). Наличие в государстве фактически существующих органов внутренних дел и непосредственно реальное их функционирование говорит о том, что государство в лице своего правительства действительно охраняет и защищает права, интересы и свободы своих граждан.

На примере Донецкой Народной Республики, выступающей в роли формирующегося государства, можно смело заявить о том, что органы внутренних дел на сегодняшний день функционируют максимально, не смотря на политическую, социальную и экономическую обстановку государства. В свою очередь Конституция Донецкой Народной Республики провозгласила ответственность государства за обеспечение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, реализуемую путем возложения конкретных обязанностей на органы государства, в том числе на органы управления (исполнительную власть), к которым относятся и органы внутренних дел (полиция). А полиция призвана защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств.

Список источников:

1. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Верховным Советом 14.05.2014 (с изменениями, внесенными законами от 27.02.2015 года № 17-ІНС, от 29.06.2015 года № 63-ІНС, от 11.09.2015 года № 92-ІНС) [Текст] // Верховный Совет ДНР. – 14.05.2014. – ст. 35.
2. О полиции : закон № 85-ІНС от 07.08.2015 (действующая ред. по сост. на 02.01.2020 [Электронный ресурс]// Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной

Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/priny>. – Дата обращения: 02.01.2020. – Загл. с экрана.

3. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных федеральными законами от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.04.2014. – № 15.
4. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации, принят Гос. Думой 23.10.2002 г., по сост. на 03.04.2018 г. – СПб.: Victory: Стаун-кантри, 2013. – 4532с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации, принят Гос. Думой 24.05.1996 г. (по сост. на 19.02.2018 г.). – Собрание законодательства Российской Федерации, 2011. – 2954 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принят Гос. Думой 22.11.2001 г. (по сост. на 19.02.2018 г.). // Собрание законодательства Российской Федерации, 2018. — 4921с.
7. Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, от 25.02.1997 г. № 1-ФКЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.03.1997 г. – № 9. – Ст.44.
8. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 29.11.2005 №8660/05 по делу №А32 2531/2005 – 31/4ТР // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 6.
9. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права, постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12. – 2003.
10. Теория государства и права: учебник / Отв. ред. Александров Н.Г. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрид. лит., 1974. – 664 с.

УДК 34.096

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК ФОРМА ВЛИЯНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Степанова Юлия Сергеевна старший
преподаватель кафедры теории и истории
государства и права

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Присяжная Мирослава Сергеевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

***Аннотация:** в статье автор отмечает связь вооруженного конфликта с информационной войной, рассматривает, какое влияние оказывают и могут оказать транснациональные корпорации на вооруженные конфликты, используя различные методики ведения информационной войны, как сами, так и посредством других субъектов информационной войны. Также автор анализирует действующее правовое поле на международном и национальном уровнях в описанной сфере и указывает на необходимость его расширения; в том числе расширения ограничений для деятельности транснациональных корпораций в целях защиты суверенитета государств.*

***Ключевые слова:** транснациональные корпорации, ТНК, вооруженные конфликты, информационная война, влияние.*

Еще с древних времен человеческое общество осознало важность информации не только в качестве средства исследования, познания и основы коммуникации, но и как средство консолидации и созидания, столкновения и разрушения. Начиналось все с использования такого способа деморализации противника, как боевой клич, а затем по мере эволюции и углубления в познании психики и психологии человек вырабатывал новые все более изощренные методы информационного противоборства.

В научной литературе информационное противоборство, или как иначе его называют информационную войну, обозначают как форму неявной агрессии в противопоставление физической. При этом, по мнению В.В.Кихтана и З.Н. Качмазовой, первая является более существенной, чем вторая, хотя при этом в моменты открытых вооруженных столкновений оба вида агрессии взаимно дополняют друг друга [7].

Какой бы ни был выбран метод, информационная война присутствует и сопутствует любому вооруженному конфликту. Не важно, какая форма

агрессии была проявлена первой, но физическую всегда сопровождает некая. Вместе с развитием информационных технологий возникла новая среда ведения «боевых действий» – киберпространство. В связи стало намного проще и эффективнее ведение вооруженных конфликтов в сопровождении информационных войн (т.е. акций, направленных на достижение контроля над информацией, путем воздействия на информацию противника, его информационные процессы и информационные системы, а также на защиту собственной информации, информационных систем и процессов), которые имеют многомерный характер и могут одновременно вестись на различных фронтах и уровнях. Информационная война выходит за рамки военного измерения. Набор целей для информационной войны не будет набором военных целей; она является больше чем просто применением информационных технологий для увеличения эффективности современных инструментов войны и представляет собой действия, необходимые для того, чтобы парализовать не только системы военного управления и контроля противника, но и его политическую и финансовую системы [5, с.85].

Также история доказала, что использование нужных методов в нужное время может в корне переломить ход событий вооруженного столкновения. Именно поэтому важно изучить, кто и как использует информационную войну, а особое внимание уделить такому субъекту, без которого, по мнению автора, в современном мире не обходится ни один вооруженный конфликт – транснациональным корпорациям (далее – ТНК).

Многие авторы (среди которых Джед Грир, Кавальжит Сингх, Э. Тоффлер, Х. Тоффлер, М.А. Белодед, И.Б.О. Мамедов, О.Г. Карпович) описывают определенное в той или иной форме вмешательство ТНК в вооруженные конфликты и указывают, что помимо этого, в условиях нарастания глобальной турбулентности и хаотизации международных отношений на сегодняшний день сохраняется опасность разжигания таких войн и конфликтов по инициативе ТНК.

Согласно дефиниции, данной Р.О. Фатхуллиным, транснациональная корпорация представляет собой экономически единую структуру, состоящую из юридических лиц, создаваемых и действующих на территории двух или более государств, имеющих различный национальный закон, причем экономическое единство достигается за счет управленческих решений головной компании [2, с. 15]. Однако стоит добавить, что главной целью ТНК является получение максимальной прибыли всеми возможными способами, причем не только экономического характера. Среди этих способов автор выделяет различные методы ведения информационной войны, которые необходимо рассмотреть подробнее в рамках данной статьи для полноценного раскрытия темы работы.

Чтобы определить методы ведения информационной войны необходимо понять данный термин, которому в литературе дано множество различных определений. Автор считает необходимым привести из них наиболее соответствующие теме и приближенные к пониманию данного термина самим автором.

Так, Г. Вирен считает, что «информационная война – это комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных воздействий» [1, с. 11].

И. Василенко рассматривает термин «информационная война» в широком понимании. Она определяет его как «планомерное информационное воздействие на всю инфокоммуникационную систему противника и нейтральные государства с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения любых политических и геополитических операций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством» [6].

Итак, все методы ведения информационной войны ТНК можно разделить по характеру направленности на прямые и косвенные. Однако, если отдельно от них выделить методы влияния на вооруженные конфликты, то

они могут только косвенными, поскольку прямые методы вмешательства ТНК в деятельность государственных акторов не возможны: кодекс поведения ТНК и другие международно-правовые акты, регулирующие деятельность ТНК в сфере мировой экономики и политики, категорически запрещают «вмешательство ТНК во внутренние дела государств путем занятия политической деятельностью в стране пребывания» [9]. То есть исследуемые автором методы ведения информационной войны с целью влияния на вооруженный конфликт всегда будут иметь косвенный характер.

Сам процесс влияния ТНК на вооруженный конфликт посредством методов ведения информационной войны автор видит следующим образом (Рис.1).

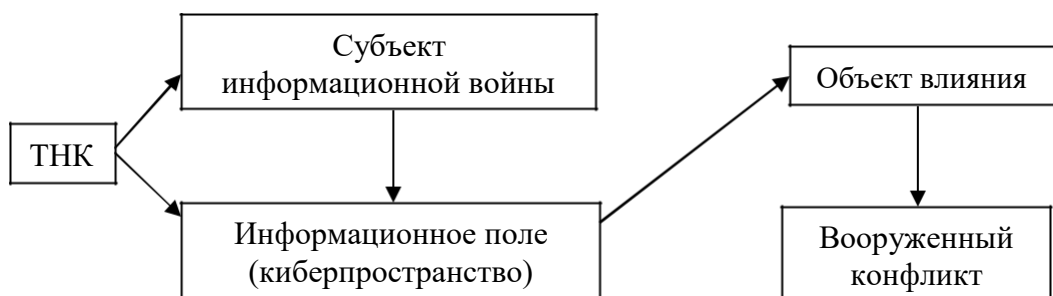

Рис.1

На схеме представлены главный субъект исследуемого влияния – ТНК. К субъектам информационной войны автор относит: СМИ в лице отдельных журналистов, государства в лице правительств, международные правительственные и неправительственные организации, различные группы давления, внутривполитические регионы, а также отдельные личности, имеющие особую популярность среди объектов оказываемого влияния. Информационным полем (киберпространством) в первую очередь выступают Интернет и телевиденье, следующие позиции по распространению информации занимают радио, печатные издания, иные информационные сети. Объектами влияния могут выступать все перечисленные субъекты информационной войны, а также народ, население государства или другой определенной территории, группы людей, условно объединенной извне по какому-либо признаку.

Итак, ТНК могут либо сами совершать определенные действия в информационном поле или же побуждать различными способами к таким действиям субъект информационной войны. После определенных манипуляций информация, попавшая в киберпространство тем или иным образом влияет на объект, который в свою очередь, поддавшись влиянию, совершает необходимые действия для изменения событий вооруженного конфликта.

Среди деятельности ТНК в информационной войне можно выделить следующие направления: активное участие в информационном противоборстве; информационная экспансия, позволяющая получить преимущества для ведения бизнеса в глобальном масштабе; конкуренция в глобальном информационном пространстве с государствами; образование различных виртуальных коалиций.

В качестве субъекта информационного противоборства ТНК проявляют следующие основные характеристики:

- имеют, как правило, стабильные (постоянные) интересы в информационно-телекоммуникационном пространстве;
- участвуют в формировании глобального информационного пространства и частично контролируют национальные сегменты информационного пространства;
- создают в рамках своих структур или используют национальные структуры государств, интегрированных в контролируемое данным субъектом информационное и телекоммуникационное пространство, в функции и задачи которых входит ведение информационного противоборства;
- разрабатывают и закрепляют на официальном уровне концептуальные и идеологические положения, обосновывающие необходимость участия в информационном противоборстве, определяющие основные принципы и формы участия в нем для данного субъекта [8].

Рассматривая конкретные исторические и современные примеры влияния ТНК необходимо понимать, что во многом ученые могут ссылаться

лишь на косвенные доказательства, и прийти к тем или иным выводам с помощью политологического анализа событий.

Итак, одним из методов ведения информационной войны является искажение информации с целью организации на определенной территории хаоса, тем самым обеспечивая ТНК определенный контроль над этой территорией, чтобы создать благоприятные условия для получения максимальных прибылей. И конечно, наиболее выгодные условия для ТНК создаются при вооруженном конфликте.

Описанный хаос достигается ТНК различными способами.

Так провоцируя массу людей, можно организовать государственный переворот или войну, ярким примером тому служит Украина, где был широко задействован механизм разнообразных политтехнологий. Используя данный механизм, легко сменить любого лидера, и через поддержку фиктивных выборов поставить на его место того, кто будет служить преимущественно интересам ТНК, а не интересам избравшего его народа.

ТНК также могут целенаправленно развязать в отдельном регионе мира межгосударственный конфликт (чаще двусторонний, но бывает и многосторонний), и в ходе конфликта, особенно находящегося в военной фазе, «оказывать помощь» одновременно всем враждующим сторонам. Так было, например, в ходе ирано-иракской войны. Американские корпорации поставляли Ираку технологии двойного назначения, оружие, произведенное не в США; была также оказана экономическая помощь в размере миллиарда долларов. Параллельно с этим в Иран были организованы поставки амуниции по защите от химического оружия, причем сначала в Иран поставляли амуницию по защите от химического нападения, а позже было организовано нападение, в ходе которого более 200 тысяч иранцев были убиты или искалечены навсегда [4].

Отдельно стоит отметить транснациональные корпорации из военно-промышленного сектора мировой экономики, которые заинтересованы в непрерывных войнах и военных конфликтах по всему миру, что

обуславливает непрерывный спрос на производимую этими корпорациями продукцию (военную технику, оружие, обмундирование и т.п.). Чаще всего речь идет о создании конфликтов в «горячих точках» планеты». Это страны Ближнего Востока, где много лет существует приграничный конфликт между Палестиной и Израилем; религиозный конфликт между Саудовской Аравией и Ираном; межклановые войны в Афганистане, где уже более сорока лет идет «непонятная» война, и ставшем удобным полигоном для испытания новейших видов вооружения в полевых условиях. При этом общественное сознание промывается через подставные СМИ.

Для раскрытия механизмов продвижения интересов ТНК весьма поучителен пример Демократической Республики Конго (ДРК). Это одна из богатейших стран Центральной Африки с наличием колтана, полезного химического элемента, необходимого для цифрового развития экономики. Ни один гаджет в настоящее время не может быть создан без использования данного элемента. Цена килограмма колтана на западных и азиатских рынках достигает нескольких тысяч долларов, а местное население получает пару долларов за работу в течение месяца. Местные бандформирования и повстанческие группы из соседних стран, например Руанды, обеспечиваемые оружием со стороны ТНК, ведут войны, устраивают резню, геноцид и политический террор местных родов и племен, освобождая для себя земли, богатые колтановыми залежами [3].

По мнению А.Е. Белянцева, активная позиция в глобальном информационном пространстве органична, естественна и жизненно необходима для ТНК, поскольку они являются сетевыми трансграничными организациями и используют, а также расширяют и формируют глобальное информационное пространство в качестве инфраструктуры, необходимой для своей успешной деятельности [5, с. 87]. Однако, как мы видим, сама эта деятельность неоднозначна по своим последствиям и имеет как положительные, так и отрицательные стороны с точки зрения наличия новых глобальных угроз и вызовов информационной эпохи.

Итак, с целью уменьшения возникновения таких угроз и ограничения, а в дальнейшем избавления от подобных негативных последствий, связанных с деятельностью ТНК по получению сверхприбылей любым, даже неправомерным, способом, а также для сохранения собственного суверенитета государствам необходимо совершенствовать национальное законодательство, регулирующее деятельность ТНК. А также государствам следует объединиться в защите своего суверенитета и вместе противостоять грубому, однако чаще всего латентному, вмешательству ТНК в их политику.

Стремление транснациональных корпораций и некоторых государств трансформировать экономическое влияние в политическое, придать транснациональным корпорациям публично-правовой статус позволяет поставить вопрос о необходимости унификации законодательства, регулирующего деятельность ТНК, – чтобы снизить ее отрицательные последствия для развивающихся стран.

Относительно ответственности ТНК, в международном частном праве оно имеет коллизионную природу. Международное частное право в большинстве случаев не устанавливает нормы ответственности, но отсылает к праву определенного государства, в соответствии с которым и наступает ответственность. Фактически речь идет о применении традиционных видов ответственности к субъектам частноправовых отношений с участием иностранного элемента с учетом коллизионного регулирования на основе применимого права разных государств.

ТНК также умело используют противоречия в законодательстве разных государств, уходят от возможного вмешательства в деятельность своих головных компаний. В МЧП остается нерешенным важный вопрос об установлении ответственности головной компании ТНК по обязательствам дочерних компаний той же структуры. Решение данного вопроса затруднено в связи с традиционным подходом к дочерним компаниям ТНК как к самостоятельным юридическим лицам.

По мнению Р.О. Фатхуллина, разработка в международном частном праве действенного механизма привлечения головной компании ТНК к ответственности по обязательствам дочерней компании будет, с одной стороны, больше соответствовать сущности транснациональных корпораций, с другой стороны, обеспечит защиту все субъектов частноправовых отношений как внутри страны, так и на международном уровне. Такой механизм должен опираться на единое унифицированное международноправовое определение ТНК и предусматривать необходимые процессуальные возможности. За основу можно взять те подходы, которые применяются в правовой практике разных государств по отношению к холдингам. В том числе, вполне можно использовать правовую конструкцию, в соответствии с которой дочернее (зависимое) общество имеет право предъявить основному обществу требование о возмещении убытков, причиненных ему по вине основного общества. По сделкам, которые совершает дочернее общество, входящее в состав ТНК и выполняющее указание головной компании, должна наступать солидарная ответственность[2, с. 20-21].

Таким образом, как мы видим из исторической практики, ТНК посредством определенных субъектов оказывают огромное влияние на информационную войну, тем самым затягивая и усугубляя вооруженный конфликт. Именно поэтому необходимо следить за деятельностью крупных ТНК, ограничивать их влияние вне сферы их основной, разрешенной законом деятельности. То есть каждая страна для того, чтобы защитить свой суверенитет и закрепить влияние на своей же территории должна совершенствовать национальное законодательство, регулирующее деятельность ТНК, чтобы привлечь их к ответственности.

Список источников:

1. Вирен Г. Современные медиа: Приемы информационных войн. / Г. Вирен. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 126 с.
2. Фатхуллин Р.О. Правовое положение транснациональных корпораций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.03. / Фатхуллин Руслан Олегович. — Москва: Моск. акад. экономики и права, 2014 — 24 с.

3. Belgian companies illegal resource exploitation in DRC // Официальный сайт OECD Watch. Режим доступа: https://www.oecdwatch.org/cases/Case_65. – Дата обращения: 14.04.2020. – Загл. с экрана.
4. Белоусова К.А. Ирано-иракская война (1980-1988) и политика США в Ираке [Электронный ресурс] // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2005. – №2 (12). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/irano-irakskaya-voyna-1980-1988-i-politika-ssha-v-irake>. – Дата обращения: 16.04.2020. – Загл. с экрана.
5. ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы / Отв. ред. Э.Г. Соловьев – М.: ИМЭМО РАН, 2005. – 128 с.
6. Василенко И. Информационная война как фактор мировой политики [Электронный ресурс] // Государственная служба. – 2009. – №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-kak-faktor-mirovoy-politiki/viewer>. – Дата обращения: 17.04.2020. – Загл. с экрана.
7. Кихтан В.В., Качмазова З.Н. Информационная война: понятие, содержание и основные формы проявления [Электронный ресурс] // Вестник ВУиТ. – 2018. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-ponyatie-soderzhanie-i-osnovnye-formy-proyavleniya>. – Дата обращения: 15.04.2020. – Загл. с экрана.
8. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] / А.В. Манойло. – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.cryptography.ru/db/msg.html?mid=1169607>. – Дата обращения: 13.04.2020. – Загл. с экрана.
9. Нормотворческая деятельность в области международных инвестиций: существующее положение, проблемы и перспективы. Серия документов ЮНКТАД по международной инвестиционной политике в интересах развития. [Электронный ресурс] / ООН, Женева, 2008. – 120 с. – Режим доступа: http://unctad.org/ru/docs/iteiit20073_ru.pdf – Дата обращения: 14.04.2020. – Загл. с экрана.

УДК 343.9

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Тимошенко Нина Александровна кандидат
юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

***Аннотация:** в статье рассматриваются способы информатизации деятельности правоохранительных органов Донецкой Народной Республики. Приведены примеры зарубежной практики, анализ действующих нормативно-правовых актов, непосредственно закрепляющие возможность модернизации правоохранительной деятельности с помощью использования современных технологий.*

***Ключевые слова:** информационные технологии, автоматизация, автоматизированные информационные системы, компьютеризация правоохранительной деятельности.*

На современном этапе развития общества наблюдается переход от старых форм и методов использования специальных знаний в раскрытии, расследовании преступлений к новым, более современным и эффективным. Развитие компьютерной техники, средств защиты информации, а также постоянное увеличение объемов информации позволяет говорить о необходимости совершенствования форм и методов ее хранения. Повышение оперативности и эффективности обработки и выдачи информации, в свою очередь, находится в прямой зависимости от степени внедрения современных компьютерных технологий. Следует обозначить, что данная проблема требует большого внимания, ведь возможности криминалистической регистрации позволяют существенно расширить объем информации, используемой в процессе раскрытия преступлений, выявить серии преступлений и расширить круг проверяемых лиц, а значит, ускорить процесс раскрытия и расследования преступлений, повысить его эффективность.

При расследовании преступлений необходимо организовать эффективное использование банков данных криминалистической информации

(оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов), в которых систематизируются данные о способах совершения нераскрытых преступлений и отразившихся в них свойствах личности совершивших их субъектов. Так, справедливо отмечают А.А. Курины и О.Б. Дронова что: «Существенным резервом повышения эффективности и результативности раскрытия и расследования преступлений является системное использование имеющихся информационных технологий, включенных в единое информационное пространство» [5, с. 103].

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 2 Закона Донецкой Народной Республики «Об информации и информационных технологиях» (далее – Закон ДНР № 71-ІНС), понятие «информационные технологии» определяются как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

В настоящее время в большинстве нормативно-правовых актах законодатель прямо призывает использовать достижения науки и технологий при осуществлении своей деятельности. Так, в качестве наглядного примера, в статье 11 Закона Донецкой Народной Республики «О полиции» № 85-ІНС от 7 августа 2015 г. (далее – Закон ДНР № 85-ІНС) определена обязанность сотрудников органов внутренних дел в своей деятельности использовать достижения науки и техники, современных технологий, информационных систем, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру [2].

Кроме того, статья 13 данного Закона определила право сотрудника полиции использовать в своей деятельности информационные системы, видео- и аудиотехнику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде и т.д.

Так, статья 17 Закона ДНР № 85-ІНС закрепляет порядок формирования и ведения банков данных о гражданах на основе использования информационных технологий.

Закон Донецкой Народной Республики «Об оперативно-разыскной деятельности» № 239-ІНС от 24.08.2018 (далее – Закон ДНР № 239-ІНС) гласит, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них настоящим законом, могут создать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета [4].

Особенности информации и информационных технологий в сфере правоохранительной деятельности, обуславливают необходимость создания специальных систем, которые способны обеспечивать своевременное поступление информации, оценить ее полезность, сохранить, дополнять, редактировать, подготовить к использованию и т.д.

Компьютеризация и автоматизация существенно повышает оперативность и эффективность автоматизированных информационных систем (далее – АИС), увеличивает их функциональные возможности.

На данный момент в Донецкой Народной Республике доступна информация об автоматизированной информационной системе Министерства внутренних дел ДНР (далее – МВД ДНР) «Полис» и подсистеме «Факт». Так МВД ДНР была разработана инструкция «О порядке приема, регистрации и рассмотрения в органах и подразделениях внутренних дел Донецкой Народной Республики заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся происшествиях», которая регламентирует порядок учётно-организационной дисциплины и работу с автоматизированной информационно-поисковой системой (далее – АИПС) «Полис» и подсистемой «Факт» [6].

Сотрудники информационного и штабного подразделения органов внутренних дел ДНР осуществляют контроль формирования подсистемы АИПС «Полис» и подсистемы «Факт», при наличии нарушений (расхождений, ошибок, отсутствия информации т.д.) организуют работу по их устранению.

Таким образом, данная АИПС и подсистема служит систематизированным хранилищем данных, поступающих в органы и

подразделения внутренних дел Донецкой Народной Республики. Все поступившие данные и принятые по ним решения должны быть внесены в течение отведенного времени согласно вышеуказанной Инструкции.

Из этого следует вывод о том, что в рамках модернизации правоохранительной системы ДНР необходимым фактором является дальнейшее развитие и внедрение в деятельность АИС с последующей разработкой необходимых ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих правила работы и использования данных систем, а также устанавливающих ответственность за нарушение или использование не по назначению АИС работниками правоохранительных органов.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то интересным примером по модернизации деятельности правоохранителей может служить практика национальной полиции Голландии, которая внедрила в работу использование нейросетей. Нейронная сеть – одно из направлений искусственного интеллекта, цель которого смоделировать аналитические механизмы, осуществляемые человеческим мозгом. Нейросети помогают расследовать дела, при этом сокращая время ведения дела за счёт особого машинного алгоритма. Так, нейронная сеть изучает материалы дел, помогает их классифицировать и готовить к расследованию. Искусственный интеллект изучает документы, разбирает их, анализирует улики и определяет вероятный уровень сложности дела. Следует отметить, что как таковое уголовное дело нейросети не в состоянии разобрать самостоятельно, однако выполняют всю рутинную работу [1, с. 105]. Особенностью систем искусственного интеллекта является их автономность в принятии решений в силу своего эвристического характера обработки информации.

Таким образом, важнейшим этапом модернизации деятельности правоохранительных органов является информатизация и компьютеризация процессов деятельности, что в свою очередь будет способствовать облегчению в работе сотрудников правоохранительных органов, таким образом, это скажется на уровне раскрываемости преступлений, а со стороны общества на

повышении уровня правосознания и уменьшении негативного или не доверительного отношения к правоохранительной системе.

Однако, несмотря на достаточное количество плюсов, вызванных внедрением автоматизации в деятельность сотрудников правоохранительных органов, не стоит уменьшать значимость аналитических и практических способностей оперативных работников и следователей, не смотря на то, что многие процессы их деятельности будут упрощены с помощью использования различных технологий, автоматизированных систем и т.д.

Список источников:

1. Бахтеев Д. В. Большие данные и искусственный интеллект в следственной и экспертной деятельности / Д. В. Бахтеев // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Материалы Международной научно-практической конференции. – Изд.: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Иркутск), 2019. – С. 104-107.
2. О полиции, закон Донецкой Народной Республики № 85-ІНС от 07.08.2015, действующая редакция по состоянию на 16.03.2020 [Электронный ресурс] / Официальный сайт законодательства Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-o-politsii-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – Дата обращения: 19.06.2020. – Загл. с экрана.
3. Об информации и информационных технологиях, закон Донецкой Народной Республики № 71-ІНС от 07.08.2015, действующая редакция по состоянию на 03.09.2015 [Электронный ресурс] / Официальный сайт законодательства Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/>. – Дата обращения: 10.06.2020. – Загл. с экрана.
4. Об оперативно-разыскной деятельности, закон Донецкой Народной Республики № 239-ІНС от 24.08.2018, действующая редакция по состоянию на 16.03.2020 [Электронный ресурс] / Официальный сайт законодательства Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-operativno-razysknoj-deyatelnosti/>. – Дата обращения: 10.06.2020. – Загл. с экрана.
5. Курин А.А. Систематика криминалистической регистрации на современном этапе / А.А. Курин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. – № 4 (26). – С. 98–110.
6. Инструкция о порядке приема, регистрации и рассмотрения в органах и подразделениях внутренних дел Донецкой Народной Республики заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся происшествиях, утв. приказом МВД ДНР от 28 февраля 2015 г. № 124 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0011-124-20150228/>. – Дата обращения: 20.06.2020. – Загл. с экрана.

УДК 343.97

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

Тимошенко Нина Александровна кандидат
юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Свиридова Кристина Евгеньевна ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет», г. Донецк E-mail:
sviridova.1598@gmail.com

***Аннотация:** в статье рассматриваются подходы к пониманию феномена «серийности». Проанализированы мнения как отечественных, так и зарубежных авторов, складывающиеся по поводу криминалистической характеристики серийных убийств.*

***Ключевые слова:** серийное убийство, серийность, криминалистическая характеристика, расследование, преступление.*

Серийные убийства, несмотря на относительно малое их количество в общей структуре насильственных преступлений, обладают повышенной общественной опасностью, которая обусловлена не только самим фактом покушения или лишения жизни нескольких человек, но и особым восприятием этого преступления обществом и средствами массовой информации.

Термин «серийное убийство» предложил спецagent ФБР Роберт Ресслер, который в 1976 году расследовал убийства, совершенные Т. Банди. Также указывается, что термин стал использоваться детективом полицейского управления Лос-Анджелеса Пирсом Бруксом, который является создателем американской компьютеризированной программы выявления насильственных преступников [2, с. 225].

Однако следует отметить, что историк уголовного правосудия Петер Вронски указывал, что сам термин был использован еще в 1966 году автором книги «Значение убийства» Джоном Брофи, однако популярен он стал позднее [3, с. 131].

Большинство правоведов сходятся во мнении, что серийные убийства – это два и более неохваченных одним умыслом факта лишения жизни человека,

совершаемые разновременно одним и тем же лицом или группой лиц, являющиеся тождественными, поскольку схожи мотивы и однотипен механизм их совершения.

Такие авторы, как Л.Я. Драпкин, В.Н. Долинин и А.Е. Шуклин удачно замечают, что успех в раскрытии серийных убийств в значительной степени зависит от распознавания их серийного характера, т.е. от получения ответа на вопрос, «... совершены ли два или более убийств одним и тем же лицом (в интересах одного и того же лица) или одной и той же группой лиц» [6, с. 13].

Если обратиться к практике рассмотрения данного вопроса зарубежными авторами, то, по мнению профессора психологии Курта Бартола, серийное убийство – это случаи, когда преступник (или несколько преступников) убивает несколько человек (обычно не менее трех) за некоторый промежуток времени.

Говоря о криминалистической характеристике преступления, следует обозначить, что она содержит типичную и сходную информацию, систему данных о способах совершения и сокрытия данного вида (рода) преступления и типичных последствиях их применения; характеристику особенностей обстоятельств, подлежащих выяснению и исследованию поданной категории дел, и типичных версий; указания на личность вероятного преступника и его характеристику, вероятные мотивы и цели преступления, личность вероятного потерпевшего и его характеристику; описание типичных для данного вида преступлений обстоятельств, способствующих его совершению.

Криминалистическая характеристика серийных убийств является специфической криминалистической категорией. Она представляет собой совокупность сведений об обстоятельствах его совершения, содержащихся в материалах предварительного расследования, оперативно-розыскной деятельности и в иных источниках информации [4, с. 95].

Поскольку расследование серийных убийств всегда связано с решением конкретных и четко обозначенных задач, безусловно, важным является определение совокупностей признаков, позволяющих произвести такую

классификацию этих преступлений, которая позволила бы выработать оптимальный вариант их расследования.

Важнейшим объединяющим признаком серийных убийств является способ их совершения. Разумеется, под влиянием субъективных, объективных факторов способ убийств, совершенных одним и тем же лицом, может претерпевать определенные изменения, но одинаковое «ядро» способа убийства остается неизменным и позволяет полностью использовать одинаковую систему действий в раскрытии преступлений [5, с. 7].

Если обратиться к иностранной литературе, то такой автор, как Стив Эггер, использовал шесть характеристик для определения понятия «серийного убийства»:

- 1) как минимум два убийства;
- 2) убийца и жертва не связаны;
- 3) убийства не имеют прямой связи друг с другом и происходят в разное время;
- 4) убийства обычно происходят в разных местах;
- 5) жертвы могут иметь общие характеристики с ранними или более поздними жертвами;
- 6) убийства совершаются не ради материальной выгоды, а ради удовлетворения, основанного на фантазиях [1, с. 747].

Такой автор, как Петер Вронски, указывает на то, что «...движущей силой серийного убийства является сексуальный контроль и доминирование. Многие жертвы подвергаются изнасилованию до или после убийства, в то время как рабство, пытки, расчленение и каннибализм не являются редкими чертами серийного убийства. Другими мотивами серийного убийства является:

- финансовая прибыль;
- ритуальные, политические, социальные или моральные императивы;
- внимание (убийство матерями своих детей);

– сострадание [3, с. 9]».

Анализ всего комплекса элементов криминалистической характеристики на видовом, групповом и уровне конкретного преступления позволит выделить из них наиболее значимые, те, что повторяются в каждом из преступлений и могут служить основанием для принятия решения об объединении уголовных дел. Находящиеся в различных следственных производствах дела должны своевременно объединяться, исходя из того, что подобный эпизод – лишь звено в цепи, а проведение расследования строится по единому плану. Вывод о необходимости объединить различные уголовные дела в единое следственное производство создает благоприятные условия для раскрытия всей серии убийств, поскольку способствует накоплению информации по всем уголовным делам. В процессе такого объединения накопленная информация анализируется, проверяется и корректируется. Как следствие, оценка имеющихся реальных данных о преступлении происходит уже на более высоком уровне, т.е. «это своевременный возврат расследования на исходную позицию, но уже с приобретенным опытом и необходимыми исходными данными»

Так, практика показывает, что успех в раскрытии серийных убийств в первую очередь определяется своевременностью и результативностью распознавания серийного характера совершенных преступлений, т.е. получение ответа на вопрос, совершены два или более убийств одним и тем же лицом.

Так же необходимо обозначит, что на данный момент ведется активная интеграция различных специализированных систем в области криминалистики. С помощью достижения науки можно облегчить работу сотрудников правоохранительных органов используя в их деятельности ресурсы данных систем. По своему предназначению на сегодняшний день таких систем насчитывается огромное количество. Так, некоторые из них предназначены для установления серийности, однако в данной системе должны быть заложены сущностные характеристики понятия серийности, которые наиболее полно характеризовали совершенное деяние.

Подводя итог, можно сказать, что ни в отечественной, ни в иностранной литературе нет единого мнения о сущности серийных убийств и всеми принятого определения исследуемого понятия. На законодательном уровне понятия серийное убийство также не закреплено, хоть и встречается в официальных документах правоохранительных органов. Подобный вывод подтверждает необходимость разработки данного понятия для понимания сущности серийных убийств, так как криминалистическая характеристика данной категории преступления вызывает достаточное количество вопросов и разногласий, что в свою очередь затрудняет процесс расследования из-за недопонимания этого сложнейшего феномена.

Список источников:

1. Macmillan encyclopedia of death and dying / edited by Robert Kastenbaum. New York: Macmillan Reference USA / Thomson / Gale, 2003. – 1171 p.
2. Rule, Ann. Kiss me, kill me and other true cases. Simon & Schuster. 2004. – 416 p.
3. Vronsky, Peter. Serial Killers: the Method and Madness of Monsters. New York: Penguin Group, 2004. – 434 p.
4. Криминалистика: учебник /под. ред. Е. П. Ищенко – М.: «Проспект», 2011. – 349 с.
5. Долинин, В. Н. Серийные убийства: понятие, признаки и классификация / В. Н. Долинин // Правоохранительные органы: теория и практика. Журнал Уральского юридического института МВД России. – 2016. – №1 – С. 5-9.
6. Драпкин Л.Я. Расследование серийных убийств: учебное пособие / Л.Я. Драпкин, В.Н. Долинин, А.Е. Шуклин; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Уральский гос. юридический ун-т». – Екатеринбург : УГЮУ, 2016. – 149 с.

УДК: 94. 1485

THE ESSENCE AND FORERUNNER OF THE ANGLO-SCOTTISH WARS IN THE XVI CENTURY

Margarita Romas

SEI HPL «Donetsk National University», Donetsk

E-mail: rita15zaychik@gmail.com

Abstract: *The article presents an analysis of the features of the historical confrontation between England and Scotland, the struggle for freedom and independence of one state from another, as well as the impact on the conflict of third states.*

Keywords: *England, Great Britain, independence, war.*

Wars and conflicts have been a part of the life of human society throughout its history, they are closely connected with the development of society itself. Each new generation is faced with new prerequisites for war, new motives for it, as well as new ways of military operations. But the most common reason for new wars and conflicts remains the constant desire to conquer new territories, expand spheres of influence or achieve independence. At the same time, the desire to expand its territory can result in a struggle for independence, which has been happening in modern Great Britain since the X century. So, the Scottish kingdom, which was gaining strength, invaded the lands of England, but this invasion was a failure, the army of Scotland was defeated and King William the First had to recognize the subordination of his kingdom to England. From this period, a long confrontation between the two states, in which England played a dominant role began. At the same time, it should be noted that in various historical periods, the independence of Scotland firstly returned, but then again this state recognized the subordination of England. The reasons for the withdrawal from subordination cannot be called exclusively military events between the two states.

Therefore, we want to specify the fact that one of the reasons for Scotland's getting out from the power of England is the economic hopelessness of the «English crown», and in 1189, the English king Richard the First needed money to commit a new third crusade, which Scotland took advantage of, buying its independence for ten thousand marks [1]. Thereby, we understand that the possibility of withdrawing

from the subordination of England by peaceful means opened the same prospects in the opposite direction, that is, the possibility of a peaceful return to the rule of the «English crown» was not only possible, but also expected. The return of Scotland to the rule of England should be considered a matter of time, the answer to which had to wait about a hundred years.

At the end of the XIII century, England had the opportunity to gain influence over Scotland without using military force, and the reason for this was the death of King Alexander the Third, who left no heir. As a result, his granddaughter Margarita ascended to the throne [2]. The news of Margaret's ascension to the Scottish throne reached the King of England, Edward the First, who insisted on Margaret and his son's wedding. At the same time, it is worth noting that the plan of Edward the First to subjugate Scotland by marriage was not destined to come true due to the unexpected death of Margaret. But this fact did not become an obstacle to Edward the First from getting close to the Scottish throne, since Margaret was the last of the royal dynasty, and her death interrupted the direct line of succession to the throne. Edward the First understood that the people of Scotland would not support him, as well as his son, so he headed the court, which proclaimed the new king of Scotland. He became John of Balliol, who, as a sign of gratitude, recognized the suzerainty of England [3].

Maintaining influence is a rather complex and unpredictable process that can be disrupted due to various circumstances. England and Scotland are no exception in this case. The aggravation of relations between the two states occurred at the beginning of the XVI century, when Henry the Eighth ascended the English throne, and Scotland united with France again.

The alliance of Scotland with France was beneficial mainly for Scotland, since on the basis of this agreement it was established that in the event of an invasion of the troops of Henry the Eighth on the territory of the allied countries, the second side would be forced to engage in battle. That is, we understand that events that last for several centuries are of great importance for future history. When the conflict between the two kingdoms began, only certain regions were involved in it. The

result was a confrontation between three states, despite the fact that one of them had nothing to do with the original conflict and did not have its own benefits.

In addition to the above, it is important to note that the XVI century was truly the bloodiest one in the entire history of military conflicts between the two states. Thus, from 1544 to 1545, the English troops of the Earl of Hertford constantly invaded Scotland. 1544 should be considered the most significant year, which was marked by the invasion of England into Scotland under the leadership of Edward Seymour, the First Earl of Hertford and John Dudley, the Second Earl of Warwick, as well as the burning of Edinburgh on the orders of Henry VIII of England [4]. This period was characterized by various battles taking place on the territory of Scotland, but in the Battle of Ancrum Moor, the Scottish troops completely defeated the troops of Hertford and stopped the bloodshed for a while.

As you know, states always strive to expand their spheres of influence, because of this, the ambitions of the British side did not remain in the shadows for long. Thus, from 1546 until the end of 1550, new battles for territories began, but had a varying success. In 1546, a group of radical Protestants killed Cardinal Beaton and captured St. Andrews Castle, which affected Scotland [5, P. 112]. To liberate its territories, Scotland was forced to turn to France for help again. French troops arrived in Scotland in early 1547 and were able to recapture the castle of St. Andrews. In response, the English army again crossed the Anglo-Scottish border and defeated the Scottish army at the Battle of Pinkie in September 1547. Apart from this, the English army captured the main Scottish fortresses in Lothian and on the shores of the Firth of Tay, thus subjugating the most important part of the Scottish kingdom. Mary of Guise was forced to hide her daughter in Dumbarton Castle.

It is worth recognizing that the siege of Haddington should be considered as one of the most significant events (1548-1549). The army of Scotland at that time can hardly be called only national, due to the large amount of mercenaries. The Scottish army, consisting mostly of foreign military personnel, entered East Lothian to dislodge the English from Haddington. In addition to the Scots, there were many

French, Germans, Dutch, Spaniards and Italians in the Scottish army. The result of a year-long siege was the retreat of the British, due to the impossibility of supplying the defenders. Thus, this led to a complete lack of supplies, both provisions and weapons, and most of the people died of diseases or during the Scottish night raids. The English, as well as their mercenary forces, including German and Spanish professional soldiers, evacuated Haddington on September 19, 1549, going overland to Berwick-upon-Tweed [6, P. 247].

Other battles took place again on the territory of Scotland, which did not bring any special dividends to England. Enlisting the help of France, Scotland skillfully blocked all the passages to the English troops, which made it impossible to deliver provisions.

Therefore, considering the history of the confrontation between England and Scotland in the XVI century, we can conclude that the military actions taking place on the territory of the two states were provoked initially by the actions of the side that is considered to be fighting for its freedom.

Based on the above, we can determine that the most important events in the relationship between England and Scotland are the following events (Table 1).

Table 1.

Event	Result
1168 Scottish-French Treaty	The unification of the two states provoked an uprising of 1173-1174, as a result of which King William I of Scotland was captured, and the territory of Scotland was captured by the army of England and recognized as subordinate to England.
1189 The Third Crusade	The need to provide the army with all the necessary equipment and products caused serious economic problems in the state. Apart from this, in order to prevent famine and riots within the state, England returns the independence of Scotland
1296 Capture of Berwick-upon-Tweed	In 1296, England entered the war with France, with which Scotland was in alliance. Balliol invaded England in response, sacking Cumberland. Edward, in turn, invaded Scotland and captured Berwick, destroying most of the city and killing the townspeople, merchants and artisans.
1372 Battle of Duns	English troops invaded Scotland with 7,000 soldiers without meeting resistance. After crossing the Meurs, the British army set up a camp in Duns, waiting for reinforcements. Local peasants

	who did not want to be under the rule of the English crown personally opposed the English army, scaring the English horses. As a result the turmoil and disorder between people occurred and led to the flight of the British abroad.[7]
1460 Capture of Roxburgh	King James II and his army first arrived in Berwick in July, first taking and destroying the English-dominated city. When the castle refused to surrender, James began a siege. After the death of King James II caused by a cannon exploding nearby, Queen Mary of Scotland ordered the army to continue the siege. The castle surrendered on August 5, the defenders were allowed to leave.
1544 Battle of Ancram Moor	The British lost 800 men killed and 1,000 captured. This temporarily halted their pursuit of Scotland. The news of the victory also prompted Francis I of France to send troops to help the Scots.

To sum up, considering the history of relations between states (England and Scotland) for six centuries, we come to conclusions concerning not only the freedom and independence of one state from another, as well as the desire to expand its influence over ever larger territories, but also about peaceful relations between states, about the desire to achieve their goals without using military force, as well as factors of foreign diplomacy that allow achieving their goals both by peaceful and military means.

Throughout history, the state of Scotland has used various ways to get out of the enemy's influence, thereby trying to reduce and level possible human losses during the struggle for independence. Based on this, the history of the confrontation between England and Scotland, which lasted from the XI until the middle of the XVI century, leading to new battles, peace treaties, as well as alliances with third states, was provoked by the desire, which is commonly called the «struggle for freedom».

List of literature:

1. Назаров А.А. Религиозный фактор и его влияние на внешнюю политику государств: ретроспективный анализ // Вестник РМАТ. 2017. №3. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-faktor-i-ego-vliyanie-na-vneshnyuyu-politiku-gosudarstv-retrospektivnyy-analiz>. – Дата обращения: 15.04.2020 – Загл. с экрана.
2. Михайленко Екатерина Андреевна Святая Маргарита Шотландская: образ королевы в шотландском историописании XII –XIV вв. // VMA. 2015. №1 (12). [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyataya-margarita-shotlandskaya-obraz>

korolevy-v-shotlandskom-istoriopisanii-xii-xiv-vv. – Дата обращения: 14.04.2020 – Загл. с экрана.

3. Графшонкина Анастасия Андреевна Суверенитет Шотландии и его документальное оформление (XII–XVIII вв.) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. №2. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/suverenitet-shotlandii-i-ego-dokumentalnoe-oformlenie-xii-xviii-vv>. – Дата обращения: 10.04.2020 – Загл. с экрана.

4. Горная Шотландия конца XVII - первой половины XVIII века и исторические романы Вальтера Скотта / С. Г. Малкин // Новая и новейшая история. –2010. – № 2. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14014046>. – Дата обращения: 23.04.2020 – Загл. с экрана.

5. Воевода, Е. В. Great Britain: Culture Across History / Великобритания. История и культура. Учебное пособие / Е.В. Воевода. – М.: Аспект пресс, 2015. – 224 с.

6. Trager J. The People's Chronology. A Year-by-year Record of Human Events from Prehistory to the Present. FarmingtonHills, 2006. – 695 с.

ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ № 4 – 2020

Научный журнал. Лицензионный договор № 28–01/2018 от 26.01.2018 г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», редакционная коллегия не всегда разделяют высказанные на страницах журналов авторами публикаций мнения, позиции, положения, точки зрения на происходящие в Донецкой Народной Республике, России и в мире процессы и события. Публикация спорных, дискуссионных и иных противоречивых авторских точек зрения означает отсутствие со стороны ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» и редакционной коллегии, официальных государственных органов власти и иных структур, организаций и учреждений (в т.ч. международных), каких-либо форм и видов цензуры и ограничений.

Редакция не несёт ответственности за содержание, точность любых приводимых цифровых, иллюстративных, цитируемых материалов в публикациях авторов журналов. Данную ответственность несут исключительно авторы тех публикаций, в тексте которых содержатся соответствующие материалы.

Адрес редакции: к. 225, пр. Ватутина, 1а, г. Донецк, 283050, ДНР
Телефон: 38 (062) 302–09–64
e-mail: julias.stepanova@yandex.ru
kafedratigp7@gmail.com

© Коллектив авторов, 2020